

вого батальона старший лейтенант Алексей Лукьянович Богомаз, бывший старшина из истребительно-противотанкового дивизиона североморец Ефим Митрофанович Павлов и бывший краснофлотец Северного флота Никита Андреевич Гребенюк.

В предлагаемой вниманию читателей книге не ставилось задачи дать всестороннее и строго систематизированное описание боевых действий всех частей и подразделений соединения. Это всего лишь краткий рассказ о фактах массового героизма моряков, подтвержденный документами Архива Министерства Обороны СССР и воспоминаниями участников событий.

РОЖДЕНИЕ БРИГАДЫ

16 августа 1942 года на небольшую подмосковную станцию прибыл железнодорожный эшелон. Открытые двери теплушек чернели бушлатами и бескозырками краснофлотцев. Следом за первым один за другим подошли еще два таких же состава. В них ехали маршевые батальоны моряков Северного флота — артиллеристы береговой обороны и плавсостав с подводных лодок, эсминцев и других кораблей. Все они подали рапорты с просьбой направить их в действующую армию.

Командующий Северным флотом вице-адмирал А. Г. Головкин, член Военного совета флота вице-адмирал А. А. Николаев, начальник политуправления генерал-майор Н. А. Торик лично контролировали ход комплектования маршевых батальонов. В них направлялись добровольцы из числа лучших командиров, политработников и краснофлотцев. В первую очередь отбирались те, кто уже имел опыт боев на суше — участвовал в отражении попыток врага прорваться к Мурманску и Полярному. Некоторые только что вернулись в строй после ранений, на груди у них сверкали орден или медаль. Многие из этих 25—26-летних ребят были коммунистами или комсомольцами.

Морякам были вручены специальные листовки с напутствием от имени Военного совета. В них говорилось: «Товарищи краснофлотцы-североморцы! Вы уходите на сухопутный фронт. Родина-мать благославляет вас на ратные подвиги! Сражайтесь с врагом храбро, мужественно, по-матросски. Высоко несите честь русского флота через огонь великих сражений!

Где бы вы ни встретились с немецкими захватчиками, своими решительными, отважными действиями вносите

страх и смятение в стан врага! Гоните непрошенных гостей с советской земли!»

...Флотское обмундирование решили заменить общевойсковым. Однако это оказалось непросто. Краснофлотцы просили не менять форму. Их можно было понять. Ведь бескозырки, клеш и бушлаты стали своеобразным символом бесстрашия, мужества, даже дерзости в боях. К тому же было известно, что фашисты уже испытали силу и стойкость краснофлотцев на поле боя и боялись встречи с ними. Поэтому было решено оставить морякам тельняшки, бескозырки и поясные ремни.

Вскоре на пополнение бригады прибыло еще 900 краснофлотцев Беломорской военной флотилии.

С личным составом соединения сразу же организовали усиленную учебу. Занятия проводились по 10—12 часов в сутки. Безлюдные до этого окрестные поля и лесные поляны ожили. На них непрерывно раздавались воинские команды, крики «полундра», «ура», хлопали холостые выстрелы.

Большое внимание в период формирования уделялось партийно-политической работе. Регулярно проводились политзанятия, политинформации и беседы.

Важную роль в воспитательной работе сыграла тесная связь личного состава бригады с трудящимися близлежащих городов и деревень. В воскресные дни североморцы выезжали на предприятия или в села, чтобы помочь в меру своих сил. Моряки собственными глазами видели, сколько тяжелых дел легло на плечи женщин, стариков и подростков в колхозах, как героически трудятся на заводах и фабриках рабочие, как стойко переносят они многочисленные лишения и невзгоды.

Эти встречи еще сильнее закаляли характер воинов. Краснофлотцы желали только одного — побыстрее сразиться с врагом и воздать ему должное за все страдания советских людей.

И вот этот день наступил.

В ночь на 9 сентября бригада отправилась на фронт. У моряков поднялось настроение. То там, то здесь слышались шутки, звучали песни «Вставай, страна огромная», «Баренцево море штормует». И каждый думал о скорой встрече с врагом, стремился к ней. Каждый понимал, что предстоит биться насмерть за родную землю, чтобы вернуть мир городам и селам, счастливую жизнь.

Ехал в эшелоне и краснофлотец Иван Николаев. До этого он лежал в госпитале, но, узнав, что бригада отправляется на фронт, упросил врачей выписать его досрочно.

Расположившись на нарах, писал письмо краснофлотец 2-го батальона, комсомолец Дмитрий Батуев. До войны он работал на Сталинградском деревообделочном заводе им. Куйбышева станочником. Осенью тридцать девятого по путевке комсомола ушел служить на флот и получил там специальность котельного машиниста. Война застала Дмитрия на плавбазе подводных лодок Северного флота.

Морской пехотинец Батуев принимал участие в боях на полуострове Рыбачий. В декабре сорок первого был ранен, долго пролежал в госпитале. Узнав, что немецко-фашистские войска рвутся к Сталинграду, Дмитрий подал рапорт с просьбой направить его на сухопутный фронт.

«Будем сражаться до последней капли крови, но с черной чумой покончим. Ждите с победой», — писал Дмитрий родным и не знал, что, защищая родной город, уничтожит не один десяток фашистов, но и сам погибнет как герой.

Крайне малый срок обучения в период формирования не позволил личному составу полностью освоить даже сильно сокращенную программу боевой подготовки. Поэтому было решено продолжать ее в пути. Прямо в вагонах изучали материальную часть оружия и технику. На длительных остановках некоторые командиры батальонов проводили стрельбы из стрелкового оружия.

Продолжалась и политико-воспитательная работа. Моряков готовили к тяжелым испытаниям боевой обстановки. Их систематически информировали о положении на фронтах Великой Отечественной войны, приводили примеры умелых действий воинов в бою, методов борьбы пехоты с танками и авиацией врага. Используя газетный материал, показывали на конкретных фактах жестокость и бесчеловечность фашистских захватчиков.

...И вот навстречу начали попадаться составы из разбитых, побывавших под бомбежкой вагонов и санитарные поезда с ранеными. А вскоре и эшелоны бригады стали подвергаться ударам фашистской авиации. Далеко на горизонте появилось огромное зарево. Это пылал Сталинград.

К исходу 16 сентября к месту назначения — на станцию Заплавное — прибыли первые эшелоны бригады с 1-м и 2-м стрелковыми батальонами и частью сил истребительно-противотанкового дивизиона, минометного и пулеметного батальонов. Их встречали представители штаба Юго-Восточного фронта. Подразделения быстро выгружались из вагонов и сразу же, форсированным маршем, следовали к волжским переправам. Приказом командующего фронтом генерал-полковника А. И. Еременко бригада к 18 часам 17 сентября передавалась в состав 62-й армии, которая в это время вела в Сталинграде тяжелые уличные бои и крайне нуждалась в пополнении свежими силами.

Стояла сильная жара. Ярко светило солнце, на небе ни тучки. И хотя к пешим маршам моряки не привыкли, шагали они быстро. Чтобы легче было, подбадривали друг друга шутками.

— Эй, браток! А ведь у тебя гусеница соскочила! — заметив размотавшуюся у впереди идущего товарища обмотку, подтрунивает морячок.

Другой, глядя на неимоверно палящее солнце и вытирая пот со лба, замечает:

— Ну и погода! Полный штиль. Сейчас бы отдохнуть да искупаться.

— Отдыхать некогда, того и гляди опоздаешь, без тебя фашистов в Сталинграде прикончат, — отвечает сосед по шеренге.

И так до самого района сосредоточения.

В селах на стенах домов краснофлотцы читали призывы, обращенные к войскам, прибывающим на защиту города: «Отстоять Сталинград — значит отстоять Россию!», «Стойкость — мать победы!», «Приказ Родины — ни шагу назад!», «Отстоять Сталинград или умереть!». На плакате мать с ребенком на руках. На них направлен штык врага. Надпись большими буквами гласит: «Воин Красной Армии, спаси!».

Чаще стали попадаться идущие навстречу раненые. Краснофлотцы интересовались:

— Ну, как там, в Сталинграде?

— Да как сказать? Сила у врага огромная. Досаждают и минометы, и артиллерия, а особенно много у них танков и авиации. Но наши держатся до последнего, спуску фашистам не дают.

Подходят другие раненые, подбадривают, шутят:
— Вы-то наверняка не подкачаете: ведь у вас кроме оружия — тельняшки, а они посильнее артиллерии главного калибра...

Матросы смеются и отвечают:

— Постараемся. В грязь лицом не ударим.

Так в разговорах, сопровождающихся шутками, незаметно создавался боевой настрой.

К вечеру 17 сентября батальоны вышли к центральной переправе в районе Красной Слободы.

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Первыми на правый берег переправились в ночь на 18 сентября 1-й и 2-й стрелковые батальоны со средствами усиления. Их возглавил начальник штаба бригады майор Н. Ф. Емельяненко — один из авторов этих строк.

Переправа прошла по намеченному плану. Противнику, правда, удалось обнаружить некоторые транспорты, и он, освещая время от времени поверхность реки ракетами, пытался огнем артиллерии и минометов препятствовать переброске наших частей на правый берег. Султаны воды от разрывов снарядов то и дело поднимались рядом с судами. К счастью, ни одно из них не пострадало.

Подразделения высаживались в центральной части города и сразу же направлялись вдоль берега Волги на юг, к реке Царице.

Бригаде было приказано уничтожить подразделения противника, проникшие в кварталы города южнее реки Царицы и в район элеватора. В последующем занять оборону, имея передний край по железной дороге, фронтом на запад, от реки Царицы до треугольника железных дорог в районе улицы Валдайская и не допустить прорыва врага по долине реки Царицы с запада и вдоль железной дороги со стороны станции Садовая.

В центральной части города в это время шли кровопролитные бои. Враг пытался во что бы то ни стало прорвать оборону 13-й гвардейской стрелковой дивизии и выйти к Волге. Гвардейцы с трудом сдерживали натиск противника. Дивизия несла большие потери и была на грани истощения.

В то же время мощная группировка немецко-фашистских войск в составе четырех дивизий пыталась пробиться к центру города с юга, где врагу противостояли слабые силы нескольких почти полностью обескровленных в предыдущих боях соединений 62-й армии. Противник здесь был намного сильнее нас.

Командарм В. И. Чуйков просил срочно усилить армию двумя-тремя свежими дивизиями. Но их не было.

...Половина стрелковых батальонов, батальон автоматчиков, большая часть артиллерии и тыла бригады еще не прибыли к месту назначения, но дожидаться их не позволяла обстановка. Поэтому пришлось бригаду вводить в бой по частям, что, безусловно, ослабляло силу ее ударов.

Переправившиеся подразделения развернули боевые порядки вдоль полотна прибрежной железной дороги, фронтом на запад: 1-й батальон — от реки Царицы до улицы Академической; 2-й — левее — от улицы Академической до развилки железной дороги (против улицы Сарептская).

Нашими соседями слева были части 35-й гвардейской и 131-й стрелковой дивизий, в которых насчитывалось соответственно 200 и 65 активных штыков, и 10-й стрелковой бригады — 50 активных штыков.

Элеватор был окружен немцами. Но гарнизон этого самого высокого в городе здания, состоящий из полутора десятков воинов 10-й стрелковой бригады и присоединившихся к ним отдельных бойцов и командиров других соединений, вел непрерывные бои, оказывая врагу упорное сопротивление.

Соседом 92-й стрелковой бригады справа были остатки 244-й стрелковой дивизии, переданные затем оборонявшейся правее 42-й стрелковой бригаде. 272-й стрелковый полк 10-й дивизии войск НКВД занимал оборону за правым флангом 42-й стрелковой бригады, примыкая в районе вокзала Сталинград-1 к левому флангу 13-й гвардейской стрелковой дивизии.

Участок южнее реки Царицы до элеватора должен был занять, согласно боевому распоряжению командира 244-й стрелковой дивизии, ее 911-й стрелковый полк. Но в нем оставалось всего 160 человек, в том числе 55 — из минометного батальона, который, расстреляв боеприпасы, был выведен в резерв на левый берег Царицы.

В итоге участок шириной свыше двух километров остался неприкрытым. Гитлеровцы, не встречая сопротивления, вышли здесь почти к самому берегу Волги, угрожая тылам 35-й гвардейской стрелковой дивизии и подчиненным ей остаткам других соединений. Создалась также серьезная угроза флангу и тылам 244-й стрелковой дивизии.

В брешь между рекой Царицей и элеватором устремились 24-я танковая, часть 94-й и 71-й пехотных дивизий врага. С этими соединениями противника предстояло сразиться и отбросить их за железную дорогу двум нашим стрелковым батальонам, успевшим переправиться в Сталинград. Силы были явно неравны. Враг значительно превосходил нас в живой силе и технике, имея в своем распоряжении больше 100 танков.

Немецкая авиация безнаказанно бомбила наши позиции. Действия вражеских соединений поддерживало большое количество артиллерии и минометов, в изобилии обеспеченных боеприпасами.

У моряков же имелось только три батареи 45-миллиметровых орудий отдельного истребительно-противотанкового дивизиона, четыре 76-миллиметровые полковые пушки и минометный батальон. Как и стрелковые подразделения, они все время испытывали нехватку боеприпасов из-за трудностей доставки их через Волгу.

Добиться успеха в таких условиях можно было только решительными и неожиданными ударами по флангам противника.

В итоге тщательной оценки условий боевой обстановки было принято решение: основными силами прибывших в Сталинград подразделений атаковать противника с фронта. Частью сил 1-го батальона нанести удар по флангу врага справа. Для деблокирования элеватора выделить усиленную роту 2-го батальона.

Едва забрезжил рассвет, все командиры доложили о готовности к атаке. Был подан сигнал, и моряки внезапно, без артиллерийской подготовки, сбросив защитного цвета гимнастерки, в тельняшках и бескозырках, с криками: «Полундра!», «За Родину!», «Вперед!», «Ура!», непрерывно строча из автоматов и забрасывая окна домов гранатами, ринулись на врага. Внезапный удар североморцев был ошеломляющим. Немцы, очевидно, считали, что перед ними остатки выскользнувших из окружения

частей, с которыми они легко расправятся, как только наступит день. И вдруг появились моряки...

Гитлеровцы начали в беспорядке отходить, укрываясь за уцелевшими домами. Но офицеры, применяя оружие, кое-как остановили солдат, и те закрепились в ближайших развалинах, оказывая краснофлотцам упорное сопротивление.

Бой распался на отдельные изолированные очаги. Он велся за каждый дом, улицу, складку местности, которые по несколько раз переходили из рук в руки. На помощь пехоте врага двинулись танки, открыли огонь артиллерия и минометы, а в воздухе появились бомбардировщики.

Несмотря на это, моряки смело врываются в дома, занятые противником, предварительно прочесывая их огнем автоматов. Дело часто доходило до рукопашных схваток, в которых, как правило, верх брали североморцы.

Взвод 1-й роты 2-го стрелкового батальона был послан для уничтожения прорвавшихся в наш тыл вражеских автоматчиков.

Первым в расположение врага ворвался бывший водолаз Федор Винницкий. Невысокий, но коренастый, он обладал недюжинной физической силой, легко переносил пулемет «максим» в собранном виде. Огнем автомата в упор Федор уничтожил несколько солдат и, продвигаясь среди развалин, неожиданно столкнулся с укрывшимся за полуразрушенной стеной немецким офицером. Он нажал на спусковой крючок, но автомат молчал — кончились патроны. Враг же выстрелил из пистолета и ранил моряка в горло. Винницкий все-таки нашел в себе силы схватить свой автомат за дульную часть, замахнулся им, как дубиной, и ударил фашиста прикладом по голове с такой силой, что тот упал, как подкошенный, не подавая признаков жизни.

В одной из контратак взвод, в котором сражался краснофлотец Иван Бабушкин, сошелся с гитлеровцами на очень близкое расстояние. Бабушкину удалось огнем автомата и гранатами сразить несколько солдат противника. Но моряк не заметил, как из-за угла дома выскочил высокого роста унтер-офицер. Он ударил Бабушкина прикладом автомата в лицо. Удар пришелся в левый глаз и щеку. Глаз у матроса затек так, что

почти совсем закрылся. Несмотря на это, североморец схватил и обезоружил немца.

А день еще только начинался. И бой тоже. Для многих он был первым, а для многих — и последним.

Когда подразделения 2-го батальона пошли в атаку, краснофлотцы Андрей Чуданов и Александр Разлатый в числе первых ворвались на причальную дамбу речного порта. Александр быстрым, оценивающим взглядом окинул местность, выбирая наиболее выгодную позицию для своего станкового пулемета. Его внимание привлек высокий портовый кран. Как бы вспомнив высокие надстройки корабля и свою флотскую службу, он радостно крикнул своему другу:

— Андрюша, наверх!

Чуданов без пояснений понял, что лучше позиции не найти. Разобрав пулемет, они быстро поднялись по крановой лестнице в кабину машиниста. Смахнули обильно струившийся пот и немедля, как на учебной тренировке, установили свой «максим». Андрей заканчивал последние приготовления, а Александр нетерпеливо вглядывался в развалины, из которых вели огонь немецкие автоматчики. Потом он крикнул:

— Патронную ленту!

Андрей подал ленту в приемник. И Александр, зарядив пулемет, открыл по врагу огонь. Фонтанчики пыли, поднимавшиеся от пуля, свидетельствовали об отличной меткости стрельбы.

Фашисты даже не поняли, откуда льется на них свинцовый дождь. Они падали один за другим на землю, пытаясь спрятаться от разящих пулеметных очередей.

Из глубины немецкой обороны появились свежие силы пехоты. Попав под внезапный огонь пулемета, резервы противника понесли значительные потери.

Оставшиеся в живых, что-то крича друг другу, укрывались за домами в развалинах.

— Сашка! Андрей! Молодцы! Прибавьте огоньку! Так держать! — кричали моряки разведроты, направлявшиеся на усиление атакующих частей.

Неизвестно, слышал ли Александр призывы товарищей. Прижавшись к пулемету и словно сросшись с ним, он непрерывно поливал фашистских захватчиков свинцом.

Наконец немцы заметили храбрецов и начали бешеный обстрел занимаемой ими позиции. Но вражеские пули, ударяясь о железные конструкции и бронированный щит пулемета, расплющивались и падали на землю; другие, срикошетив, отлетали в сторону. Тогда открыли огонь немецкие пушки. Несколько снарядов разорвалось ниже смельчаков. Затем, корректируя огонь, фашистские артиллеристы начали подбираться к огневой позиции пулеметчиков. Моряки, увлеченные боем, не обращали на это внимания.

Александр то и дело нажимал на гашетку. На радостные восклицания друга он не отвечал, но по всему чувствовалось, что тоже доволен результатами огня.

Внезапно пулемет умолк. Разлатый, со злостью продернув пустую ленту, громко крикнул:

— Патроны, Андрей!

У Андрея патронов не было. За ними надо было спуститься вниз. В ожидании боеприпасов Александр снял бескозырку и утер обильный пот, стекающий по лицу. Дотронувшись до пулемета, он, как ужаленный, отдернул руку: кожих перегрелся. Надо было менять воду.

Возвратился Андрей, подал новую ленту в приемник, но Александр не спешил — стволу надо было дать передышку.

Пулеметчики посмотрели туда, где шел бой. Используя их меткий огонь, моряки успешно наступали, продвинулись далеко вперед.

Снизу послышалась команда:

— Эй, там, на кране! Быстро спускайтесь вниз! Пора менять позицию.

Это, преодолевая шум боя, кричал командир 1-й стрелковой роты лейтенант В. П. Покровский.

Отважные пулеметчики спустились на землю.

Так состоялось боевое крещение краснофлотцев Андрея Чуданова и Александра Разлатого.

А моряки продолжали наступать. В ходе боя был ранен в руку старшина 2-й статьи М. Е. Ластовкин. После перевязки он категорически отказался эвакуироваться в тыл. Вернувшись в свое подразделение, вместе с товарищами ходил в атаки, врвался в стан врага, отвоевывая у него одну позицию за другой. Только после третьего ранения Ластовкина отправили в мед-

санроту. В этот день он уничтожил 25 фашистов, за что был награжден орденом Красного Знамени.

Во время боя вышел из строя почти весь расчет орудия сержанта В. И. Третьякова, парторга батареи истребительно-противотанкового дивизиона. Оставшись вдвоем с наводчиком комсомольцем В. Ф. Иньковым, они, несмотря на ранения, продолжали стрелять: уничтожили крупнокалиберный пулемет и наблюдательный пункт противника, подожгли снарядами здание, в котором засели гитлеровцы.

В одной из рот 1-го стрелкового батальона от осколков разорвавшегося снаряда погиб расчет станкового пулемета. Враги захватили «максим» и открыли из него огонь по нашим подразделениям. Тогда младший сержант Иван Маладушев незаметно подполз к позициям противника и меткими бросками гранат уничтожил фашистов. Овладев пулеметом, он стал косить из него вражеских автоматчиков.

К исходу дня 18 сентября 1-й и 2-й стрелковые батальоны в ожесточенном бою преодолели яростное сопротивление превосходящих сил врага и овладели улицами КИМ, Пугачевской, Циолковского, Рабоче-Крестьянской, Козловской, Бирской, Калинина, Балашовской, им. Кирова; уничтожили противника в районе элеватора, деблокировав окруженную в нем группу воинов 10-й стрелковой бригады. Для усиления обороны этого здания был сразу же направлен пулеметный взвод 2-го батальона во главе с младшим лейтенантом А. О. Хозяиновым, а потом им на помощь пришли моряки роты лейтенанта З. Г. Зозули.

Утром 19 сентября в Сталинград переправились 3-й и 4-й стрелковые батальоны с приданными им минометными и пулеметными подразделениями, батальон автоматчиков, 5-я батарея артиллерийского дивизиона и саперная рота. Вместе с этими частями в район реки Царицы прибыло командование бригады.

3-й стрелковый батальон сразу же был введен в бой в промежутке между 1-м и 2-м, а 4-й занял позиции во втором эшелоне. Батальон автоматчиков составлял резерв.

Очень важное значение имело высокое здание элеватора. Поэтому было решено усилить его оборону. 19 сентября командиру пулеметного батальона майору

В. П. Покровский, командир 1-й роты 2-го отдельного стрелкового батальона, впоследствии командир 4-го отдельного стрелкового батальона

А. И. Волнов, командир взвода роты противотанковых ружей 4-го отдельного стрелкового батальона

Ф. И. Рогожкин, рядовой 1-го отдельного стрелкового батальона

В. П. Переломов, помощник командира взвода 4-го отдельного стрелкового батальона

В. Е. Яковлеву было приказано направить туда одну роту. В полдень пулеметчики начали выдвижение к объекту. Они должны были занять оборону в здании элеватора и совместно с находящимся там гарнизоном прочно удерживать его. Едва пулеметчики ушли, как гитлеровцы прорвались через боевые порядки наших подразделений и отрезали элеватор от главных сил бригады.

В этом случае незамедлительно были приняты меры для восстановления положения. Роту, на участке которой прорвался враг, дополнительно усилили взводом автоматчиков, двумя 45-миллиметровыми орудиями, противотанковыми ружьями и станковыми пулеметами. Для огневой поддержки была выделена также рота минометного батальона.

Но все наши попытки прорваться к элеватору кончились неудачей. Противник сосредоточил здесь до двух пехотных батальонов, усиленных танками и артиллерией.

Из пулеметной роты, отправленной к элеватору, вернулся боец, который вынес тяжелораненого командира — младшего лейтенанта Г. В. Дюльдена. Он рассказал, что, не доходя несколько сот метров до элеватора, рота попала под внезапный удар танков и пехоты фашистов. Заняв круговую оборону, пулеметчики героически отражают атаки врага. Они усеяли вражескими трупами все ближайшие улицы и подожгли 2 танка. Раненые не покидают своих позиций и сражаются до последней возможности. Элеватор обложен немцами со всех сторон, он окутан дымом, там тоже идет упорный бой. Вокруг здания курсируют вражеские танки.

Командир 2-го стрелкового батальона попытался снова деблокировать элеватор, но все атаки опять не принесли успеха. Противник обладал здесь многократным превосходством в живой силе и технике. Пулеметная рота, попавшая в окружение, сражалась до последнего. Никто оттуда не вернулся. Грохот боя в районе ее действий был слышен еще весь следующий день. Затем все стихло.

К полудню 19 сентября бригада выполнила поставленную задачу. Она вышла к рубежу железной дороги и закрепилась там.

Но враг не хотел мириться с утратой позиций и объектов. 20 сентября гитлеровцы ввели в бой свежие силы пе-

хоты и танков и при поддержке большого количества минометов, артиллерии и авиации вновь перешли в наступление.

Как обычно, бой начался с активных действий авиации противника. Фашистские бомбардировщики атаковали боевые порядки моряков группами по 20—30 самолетов. Сменяя друг друга, они непрерывно сбрасывали бомбы и обстреливали из пулеметов и без того израненную землю. Рушились окопы и стены уцелевших зданий, заваливая находившихся в них моряков, горели деревянные постройки. Сильным бомбовым ударам подвергся и командный пункт соединения. Многие воины из охраны штаба, связисты, а также некоторые командиры штаба были убиты или ранены. Затем открыли огонь вражеские минометы и артиллерия. На позициях моряков бушевал огненный смерч, их заволокло сплошными облаками дыма и пыли, через которые ничего не было видно даже в нескольких метрах. Люди задыхались, не хватало воздуха. Телефоны замолкли, проводные линии связи были искромсаны осколками бомб, и восстанавливать их в таком аду было бессмысленно. Управление осуществлялось по радио и связными.

Наконец фашисты перешли в атаку. Главный удар они нанесли севернее вокзала Сталинград-II, в стык 3-го и 2-го стрелковых батальонов. Впереди, широким фронтом, непрерывно строча из автоматов, перебежками двигались пехотинцы. Их поддерживали огнем танки, которые действовали рассредоточенно, прикрываясь постройками. Фашисты явно рассчитывали на то, что после мощных ударов их авиации и артиллерии на позициях моряков мало кто уцелеет. Но они просчитались.

Как только пехота противника поднялась в атаку, застрочили наши пулеметы, заухали минометы, заговорили противотанковые пушки. Атака захлебнулась. Оставив на поле боя несколько десятков трупов и горящие танки, гитлеровцы отошли.

Во второй половине дня они опять перешли в наступление. Наиболее мощный удар пришелся по подразделениям 3-го батальона старшего лейтенанта И. Т. Коваленко (комиссар — старший политрук Е. В. Жемчужный). Здесь вдоль улиц Академической и Огарева наступало не менее трех пехотных батальонов. Пехоте и танкам гитлеровцев неоднократно удавалось врваться в располо-

жение батальона. И каждый раз североморцы поднимались в контратаку и отбрасывали врага в исходное положение с большими для него потерями.

В тот же день был получен приказ о передаче остатков 10-й стрелковой бригады, 35-й гвардейской и 131-й стрелковых дивизий в состав 92-й отдельной стрелковой бригады. А из обескровленных в боях частей 244-й стрелковой дивизии создавался сводный (914-й) стрелковый полк, который переходил в оперативное подчинение командира 42-й стрелковой бригады. Штабы соединений, передавшие остатки своих частей стрелковым бригадам, ночью переправились на левый берег Волги и ушли в район расположения своих тылов на переформирование.

Передача личного состава этих соединений не усилила 92-ю стрелковую бригаду, так как к ней переходили и оборонительные рубежи, которые те занимали незначительными силами.

ОБСТАНОВКА НАКАЛЯЕТСЯ

Между тем противник вводил в сражение все новые и новые силы. Ему удалось прорваться через поредевшие боевые порядки левофланговых подразделений 3-го батальона и выйти к улице Рабоче-Крестьянской. Пришлось срочно вводить в бой 4-й отдельный стрелковый батальон старшего лейтенанта Я. Н. Козлова (комиссар — батальонный комиссар С. Я. Миньков), и продвижение врага было остановлено.

Обеспечивая ввод в бой своей части, на танкоопасном направлении недалеко от речного порта действовала рота противотанковых ружей этого батальона.

День 20 сентября бронейщики провели в жестоких схватках с противником. Несколько раз моряки взвода младшего лейтенанта А. И. Волкова отбрасывали врага. Фашистов было в шесть-семь раз больше, их поддерживали авиация, артиллерия, минометы и танки. У краснофлотцев же не было такой поддержки. К тому же боеприпасов было очень мало, их приходилось экономить. Несмотря на это, приказ «ни шагу назад!» моряками был выполнен.

К концу дня от роты осталось 9 человек: замполитрука Михаил Слепнев, младший сержант Георгий Табанин,

краснофлотцы Василий Шушкарев, Яков Пасечник, Андрей Коротков, Виктор Королев, красноармейцы Александр Воробьев и Дмитрий Грибов. Возглавлял эту группу командир взвода младший лейтенант А. И. Волков. На горстку храбрецов враг бросил до роты пехоты с танками. В первые же минуты боя в ногу был ранен Королев. Преодолевая нестерпимую боль, он тщательно прицелился и выстрелил по танку. Черный смолистый дым застлал поле боя. Затем вспыхнул огонь, и танк занялся жарким пламенем. Кто-то из соседнего окопа крикнул: «Молодец, Витя! Бей их, гадов!» Виктор не отвечал: заметив танкистов, покидавших горящую машину, он сменил противотанковое ружье на автомат и открыл по ним огонь.

— Королев! Танк слева! — раздался громкий голос командира взвода Волкова. — Огонь!

Прогремел выстрел. Но бронебойная пуля, ударившись о наклонную поверхность брони, срикошетила. Почувствовав, что взяты на прицел, немецкие танкисты быстро ушли в укрытие. Волков сам лег за противотанковое ружье. Он подбил еще один танк. А когда в атаку поднялась вражеская пехота, бронебойщики разили ее метким огнем из автоматов и ручными гранатами, пока она не отошла в исходное положение.

Более полутора суток маленькая группа удерживала важный рубеж. Она вывела из строя несколько гитлеровских танков и до 80 солдат и офицеров. За этот подвиг младший лейтенант А. И. Волков был награжден орденом Ленина, краснофлотец Яков Пасечник — орденом Отечественной войны II степени, а остальные, в том числе В. Королев, — орденами Красного Знамени.

20 сентября неоднократным атакам врага подвергся и 2-й стрелковый батальон капитана С. И. Захарова (комиссар — старший политрук И. И. Митин). Однако, встретив упорное сопротивление и потеряв 2 танка, орудие и свыше 150 солдат и офицеров, гитлеровцы вынуждены были отойти.

О том, что происходило в районе элеватора, стало известно только после войны из рассказа участника событий, бывшего моряка Северного флота, тогда младшего лейтенанта А. О. Хозяинова. Картину героической обороны окруженного немцами здания дополнил хранящийся в Архиве Министерства обороны СССР отчет об этих бо-

ях капитана Полякова из 10-й отдельной стрелковой бригады.

Взвод Хозяинова состоял из 18 краснофлотцев-пулеметчиков. Они имели два станковых пулемета, два противотанковых ружья, автоматы и гранаты. У остальных защитников этого здания, в основном воинов 10-й стрелковой бригады, на вооружении было два ручных пулемета, карабины и гранаты.

Гитлеровцы много раз пытались овладеть элеватором. Но его гарнизон, заняв круговую оборону, стоял насмерть. Только 19 сентября воины отразили девять атак врага.

По зданию непрерывно наносили массированные удары авиация и артиллерия противника. Во время одного из налетов немецких бомбардировщиков загорелись запасы находившегося в хранилищах зерна. Дым распространился по всему зданию. Стало трудно дышать, люди почти не видели друг друга. Они подбадривали себя, давая знать, что живы, криками «ура!», «полундра!». Вскоре кончились продукты. Пришлось питаться подгоревшей пшеницей. Особенно трудно было без воды. Правда, метрах в шестидесяти была водопроводная колонка, но она находилась под обстрелом врага. Возле нее лежало несколько трупов смельчаков, пытавшихся добыть воду. Вода нужна была не только для питья (особенно раненым), но и для медицинских целей (промывания ран, стирки бинтов) и для станковых пулеметов.

В дневное время североморцы располагались на верхних этажах здания. Отсюда открывались широкий обзор и возможность обстрела таких участков местности, которые по отношению к первым этажам находились в неполагаемом пространстве.

Ночью спускались вниз и занимали окопы, вырытые непосредственно у здания. Снизу, на фоне неба, в ясную ночь можно было своевременно заметить приближающегося неприятеля и встретить его неожиданным ударом на подступах к объекту.

Днем 21 сентября из-за ближних домов вышли не менее десяти вражеских танков. Под их прикрытием перешли в атаку до 200 гитлеровцев. Защитники элеватора уничтожали их всеми видами имевшегося у них оружия — открыли огонь станковые и ручные пулеметы, автоматы, карабины. И все же некоторым немецким авто-

матчикам удалось приблизиться к зданию. Они начали забрасывать окна первого этажа гранатами. Наши воины успевали большую часть их возвращать обратно на головы атакующих. В ход пошли и свои гранаты. Фашисты были отброшены.

Но вскоре кончились боеприпасы к противотанковым ружьям, не стало ручных гранат. Прямым попаданием снаряда был уничтожен станковый пулемет, а кожух другого пробил крупный осколок. У краснофлотцев остался единственный ручной пулемет и автоматы.

С наступлением сумерек враг ввел в бой свежие силы, и ему удалось ворваться в элеватор с западной стороны. Фашисты несколько раз предлагали нашим воинам сложить оружие и сдаться в плен. Ответом был огонь по врагу, и бой разгорался с новой силой. Часто доходило до рукопашных схваток. Боеприпасы к автоматам и карабинам оказались на исходе. Поэтому, посоветовавшись, оставшиеся в живых решили в ночь на 22 сентября покинуть здание и, прорвав окружение, выйти к Волге на соединение со своими частями. Пробиваясь к своим, бойцы вывели из строя несколько минометов, тяжелое орудие и противотанковую пушку противника.

Подразделения врага, штурмовавшие элеватор, заплатили за него дорогой ценой. Только у его стен было уничтожено 5 танков и до 300 гитлеровских солдат и офицеров.

Писарь одного из батальонов 267-го пехотного полка 94-й пехотной дивизии немцев В. Гофман записал в те дни в своем дневнике: «Победа досталась очень дорого... в некоторых ротах осталось по несколько человек». А перед этим в его записях шла речь о том, что «сопротивление русских в здании элеватора сломлено», что там «найден около 40 трупов русских, среди них половина в морской форме — морские дьяволы»*.

Гофман был прав. Наши потери тоже были велики. Только 15 человек во главе с капитаном Поляковым вышли из окружения и возвратились в свои части.

А в обороне Сталинграда в это время назревали новые, очень важные события. Утром 21 сентября немцы вновь перешли в наступление против войск 62-й армии.

* Чуйков В. И. Начало пути. Волгоград. Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1967, с. 276.

Они стремились смять боевые порядки наших частей и, сбросив их в Волгу, овладеть южной частью города и его центром. Против 92-й стрелковой бригады действовали четыре дивизии противника — 24-я и 14-я танковые, 29-я моторизованная и 94-я пехотная.

Моряки опять испытали на себе мощные удары фашистской артиллерии, минометов и авиации. Особенно трудно пришлось 2-му батальону. Вражеская пехота атаковала при поддержке танков во много раз превосходящими силами. Противник пытался прорваться на этом участке сразу в двух направлениях: от элеватора на северо-восток и от консервного завода на север, вдоль берега Волги. Поредевшие после предыдущих схваток боевые порядки 2-й стрелковой роты этого батальона не отошли ни на шаг. Тогда гитлеровское командование ввело в бой новые силы.

Массированным огнем всех видов и гусеницами танков враг буквально стер с лица земли защитников позиций на флангах этого подразделения и устремился в глубину нашей обороны. Остатки роты во главе с ее командиром лейтенантом З. Г. Зозулей заняли круговую оборону и стояли насмерть. В помощь Зозуле командир батальона бросил в контратаку все, что мог. В этот же район была направлена часть 4-го стрелкового батальона и батальона автоматчиков. По пьяным фашистам, рвавшимся к Волге и к реке Царице, нанес несколько огневых налетов дивизион 85-го гвардейского гаубичного артиллерийского полка резерва Верховного Главнокомандования*.

В итоге крупные силы фашистской пехоты и танков, прорвавшиеся в глубину нашей обороны, были остановлены. Однако вернуть утраченные позиции все-таки не удалось.

Остатки 2-го батальона были выведены из-под фланговых ударов противника к дамбе речного порта, где они прочно закрепились, преградив гитлеровцам путь к Волге.

На других участках врагу удалось кое-где вклиниться в нашу оборону, но энергичными контратаками положение было восстановлено.

* С 20 сентября 1942 года этот дивизион поддерживал 92-ю бригаду в течение нескольких суток.

САМЫЕ ТРУДНЫЕ ДНИ

Однако опасность подстерегала бригаду за пределами ее обороны. 21 сентября в 13 час. 30 мин. внезапно прервалась телефонная связь со штабом армии. Вскоре наша разведка обнаружила, что на причалах центральной переправы, которые находились немногим более километра севернее участка нашей обороны, хозяйничают вражеские автоматчики. Противник, нанеся удар по стыку 42-го гвардейского стрелкового полка полковника Елина 13-й гвардейской стрелковой дивизии и 272-го стрелкового полка 10-й дивизии НКВД, смял их боевые порядки и вышел к берегу Волги. Гитлеровцы захватили расположенные в тылу 42-го гвардейского полка причалы центральной переправы*.

Вспоминая эти события, Маршал Советского Союза В. И. Чуйков пишет:

«Дни 21 и 22 сентября были критическими для войск 62-й армии. Противник ценой больших потерь первый раз разрубил армию на две части: на участке 13-й гвардейской стрелковой дивизии он вышел на улицу 2-я Набережная, а его передовые подразделения — к центральной пристани**.

В итоге остатки 92-й и 42-й бригад, а также 272-го полка оказались отрезанными от главных сил армии.

Командующий армией предпринял попытку выручить их. Он приказал только что прибывшей в Сталинград 284-й стрелковой дивизии: «...Наступать в полосе: справа — ул. Халтурина — Островского — Гоголя; слева — река Волга. Задача — восстановить положение в районе центральной переправы и в устье реки Царицы, прочно оседлав долину реки Царицы».

Но приступить к выполнению этого приказа, к сожалению, не удалось. Скованная активными действиями врага, 284-я стрелковая дивизия увязла в затяжных боях в районе оврагов Долгий и Крутой. В результате бригады, отрезанные от главных сил, оказались в очень тяжелом положении, которое ухудшалось с каждым часом. Центральная переправа была выведена из строя, и под-

* ЦАМО СССР, ф. 345, оп. 5487, д. 9, л. 162.

** Чуйков В. И. Сражение века. М., «Советская Россия», 1975, с. 151.

воз боеприпасов и продовольствия почти прекратился. Кое-что доставляли лишь изредка на небольших лодках.

Нелегко осуществлялась лодочная переправа! Бывший заместитель командира бригады по тылу Л. Н. Руденко так описывает один из эпизодов: «23 сентября мы отправили в район Царицы 7 лодок с боеприпасами. Обратное вернулось только 3, остальные огнем артиллерии потопили немцы. Зная, что части бригады ведут тяжелые бои и остро нуждаются в патронах, минах и гранатах, мы загрузили ими еще 5 лодок. Для большей уверенности в доставке их на правый берег, я решил отправиться с ними сам. Примерно в полночь 24 сентября двинулись в путь. Обогнули остров Голодный. Немцы заметили нас и открыли пулеметный огонь. Но до правого берега было еще далеко, и огонь противника не причинял вреда. Попугав нас, фашистские пулеметы умолкли. Когда же мы приблизились к устью Царицы метров на 500, враг снова открыл по лодкам шквальный огонь. Однако люди уже без страха гребли навстречу снопам трассирующих пуль. Берег был недалеко. В 2 часа 20 мин. боеприпасы были доставлены в бригаду. Их не хватило для всех, но это было лучше, чем ничего».

С обеспечением воинов горячей пищей было еще сложнее. Из-за непрерывного массированного огня и частых бомбежек авиации противника кухни быстро выходили из строя. Иногда, правда, тыловикам некоторых подразделений удавалось доставить горячую пищу с левого берега в термосах. Но это случалось очень редко: в первую очередь к погрузке принимались боеприпасы. Бригада переживала трудности и с водой. Казалось бы ее много — рядом Волга. Но прибрежные участки реки оказались сильно загрязненными нефтью, вылившейся в нее из разбитых бомбами резервуаров. Чистой вода была лишь на стрежне реки. Доплыть же туда можно было только на лодке, а их и без того не хватало. До воды, загрязненной нефтью, тоже нелегко было добраться — берег непрерывно обстреливался. Поэтому бойцы чаще всего питались всухомятку. Правда, иногда во время редких перерывов между боями, главным образом ночью, удавалось где-нибудь за уцелевшими стенами развести костер и приготовить суп или кашу из концентратов.

Но бывало и так.

— Однажды, — рассказывает телефонистка отдельной роты связи А. Н. Михеенкова, — мы разожгли в развалинах дома костер. Повесили над ним котелок с пшеничным концентратом. Не успела каша закипеть, как рядом разорвался немецкий снаряд. Кашеваров засыпало землей, а котелок отлетел в сторону и перевернулся, в нем оказались две большие пробоины.

Положение бригады осложнялось и тем, что людей и оружия становилось все меньше. Атаки, контратаки, рукопашные схватки, бомбовые удары и артиллерийские налеты гитлеровцев следовали один за другим. Наши подразделения таяли буквально на глазах. Например, 3-й батальон к утру 22 сентября потерял убитыми и ранеными 714, а 2-й — 745 человек. Это составляло соответственно 80 и 82% личного состава. Не лучшим было положение и в других частях. Пополнения же за все время боев бригада не получала. Это неизбежно снижало плотность, а следовательно, и прочность обороны. В боевых порядках частей стали возникать ничем не прикрытые промежутки.

Несмотря на многочисленные потери, отсутствие связи с командованием армии, прижатые врагом с трех сторон к берегу Волги, малочисленные подразделения 42-й и 92-й стрелковых бригад и 272-го полка 10-й дивизии войск НКВД продолжали удерживать свои рубежи.

Нормой поведения североморцев в эти дни, как и прежде, оставались смелость, отвага в бою и готовность до конца выполнить свой священный воинский долг перед Родиной.

Днем 23 сентября, после нескольких ударов авиации и артиллерии, пехота противника при поддержке танков вновь перешла в наступление. Грохот орудий, треск пулеметных и автоматных очередей, разрывы снарядов, выкрики команд — все это слилось в какую-то какофонию. Казалось, что люди не выдержат такого ада. Но моряки выстояли.

Точными короткими очередями непрерывно бил по быстро передвигающимся фигурам фашистских автоматчиков станковый пулемет краснофлотца Павла Барановского. Ему помогал второй номер расчета Николай Медведев.

Вплотную к дому, в котором находились пулеметчики, подошел вражеский танк и стал почти в упор бить по окнам прямой наводкой.

— Буылки, гранаты... Огоны! — крикнул Барановский.

Медведев бросил в танк сразу три бутылки с жидкостью. Следом за ним швырнул связку гранат под гусеницу Барановский. Танк остановился и замолк, объятый пламенем. Атака врага — которая уже за день! — была отбита.

За храбрость и стойкость в этом бою Барановский и Медведев были награждены орденами Красного Знамени.

Смело сражались моряки из отдельного батальона автоматчиков капитана И. И. Мальцева (комиссар — старший политрук М. Г. Новогородов). Помощник командира роты этого батальона младший лейтенант С. П. Чавкин водил в атаку автоматчиков, показывая пример храбрости подчиненным. Несколько раз краснофлотцы под его командованием отбрасывали немцев с захваченных ими позиций. Отважно действовал в бою автоматчик Н. И. Орлов. Подпустив атакующих на близкое расстояние, он забросал их гранатами, а уцелевших добил огнем автомата.

Разрывами вражеских снарядов был выведен из строя пулеметный расчет А. П. Трещалова. Уцелел лишь командир. Непрерывно меняя огневую позицию, он продолжал отбиваться от наседавших на него автоматчиков, которые обходили его с двух сторон. Вскоре осколками разорвавшегося снаряда искорежило пулемет, а Трещалов был ранен в руку и контужен. Когда он пришел в сознание, день уже близился к концу, начало темнеть, бой затихал. Отважный моряк понял, что фашисты, уничтожив защитников наших позиций, продвинулись вперед и он оказался у них в тылу. У Трещалова оставалась только одна граната, и он решил выходить к своим. Темнота помогла ему добраться до берега Волги. Превозмогая боль, он где вплавь, где вброд, добрался к своим.

В ночь, на 23 сентября на участке обороны 4-го отдельного стрелкового батальона по указанию штаба бригады проводился поиск. Поисковой группе, во главе с командиром взвода североморцем лейтенантом

Б. А. Кондратьевым удалось захватить в плен фашистского офицера. Направляясь с важной добычей в обратный путь и еще не выбравшись из расположения противника, они внезапно столкнулись между полуразрушенными домами с тремя гитлеровцами, проверявшими телефонную линию связи.

От неожиданности обе стороны на какое-то мгновение оцепенели. Первым пришел в себя Виталий Ушаков. Он дал длинную очередь из автомата, и два фашиста упали. Третий успел укрыться в ближайших развалинах и открыл по краснофлотцам беспорядочный ответный огонь. Внезапно возникшая перестрелка подняла на ноги всю вражескую оборону. Застрочили пулеметы и автоматы, загрохотала артиллерия. Прикрывая отход поисковой группы, заговорили и наши минометы.

— Бегом в свое расположение! — скомандовал Кондратьев матросам, несшим связанного «языка». Их отход он решил прикрыть вместе с Ушаковым огнем своих автоматов.

Укрываясь в развалинах и воронках, они медленно отходили, стремясь отвлечь внимание противника от разведчиков, уносивших немецкого офицера. Фашисты же пытались отрезать им пути отхода. Появился вражеский танк с десантом пехоты. Он шел прямо на Ушакова. Несколькими меткими очередями из автомата моряк уничтожил десантников. Но бронированная машина, завывая мотором и лязгая гусеницами, продолжала двигаться. Выбора не было, оставалось только вступить с ней в единоборство. Виталий быстро приготовил противотанковые гранаты. Когда же смельчак приподнялся для броска, его прошила пулеметная очередь. Раны были тяжелые, но Ушаков сознания не потерял. Он понимал, что силы его на исходе. Теперь надо было бить точно и наверняка. Виталий решил выждать, пока враг подойдет к нему вплотную. Когда танк приблизился к раненому краснофлотцу на два-три метра, он приподнялся и в упор ударил гранатой по броне.

Раздался мощный взрыв, и грозная машина остановилась. Вместе с экипажем она была выведена из строя. Погиб и комсомолец Виталий Ушаков.

В боях южнее реки Царицы отважно действовал весь личный состав бригады. Особенно отличились капитан С. И. Захаров, политрук И. С. Озеров, младший лейте-

нант М. А. Шевченко, моряки А. П. Хиро, Л. И. Митин, В. П. Переломов, В. М. Елизаров, Н. М. Коваль, Ф. И. Рогожин, И. А. Исаков, П. Я. Климцов, К. А. Попов, А. С. Мирошниченко, В. П. Ядрихинский, П. М. Березин, В. Ф. Камышанов, И. А. Юганов, А. Е. Воронин. Показывая пример мужества и отваги, они в самые тяжелые минуты боевой обстановки воодушевляли своих подчиненных и товарищей на беззаветное выполнение своего воинского долга.

Маршал Советского Союза В. И. Чуйков, вспоминая, как отважно дрались в Сталинграде моряки-североморцы 92-й и 42-й стрелковых бригад, писал, что они всегда выручали своей матросской хваткой, своим находчивым, предприимчивым характером*.

И действительно, моряки не терялись в любой, порой очень сложной обстановке. Они всегда находили выход из самого трудного положения.

Однажды краснофлотцы заметили, что во время налетов на нашу оборону вражеских бомбардировщиков пехота противника показывает им цели для бомбежки разноцветными ракетами. Комсорг одной из рот 2-го батальона Николай Ландик решил перехитрить гитлеровцев. Изучив сигнализацию врага и собрав несколько десятков трофейных ракет, он при очередном налете воздушных пиратов организовал показ целей в расположении немецких войск. Опыт удался. С тех пор фашистская авиация стала частенько бомбить свои позиции.

В другой раз, 23 сентября, при отражении атаки противника во 2-й роте 4-го батальона у моряков оказались на исходе боеприпасы. А тут еще и поддерживавший их миномет вышел из строя. Гитлеровцы наседали и вот-вот могли ворваться в наше расположение.

Терентий Орлюк не растерялся. Обнаружив большой запас ручных гранат на огневых позициях минометчиков, Орлюк успел вовремя раздать их своим товарищам. Загремели взрывы, и атака была отбита. А вскоре отважный краснофлотец заменил тяжелораненого командира взвода. Под его командованием воины в течение суток отразили шесть яростных атак фашистов. За смелость и находчивость Орлюк был награжден орденом Красного Знамени.

* Чуйков В. И. Газета «Правда Севера», 2 февраля 1973.

Не менее находчивыми оказались и воины минометной роты 4-го батальона. Когда вышла из строя центральная переправа и подвоз боеприпасов почти прекратился, они начали поиски мин на берегу Волги. Вскоре командир минометного расчета Сергей Белозерцев вместе со своими товарищами обнаружил в полузатопленной у берега барже два 120-миллиметровых миномета и множество мин к ним. Батальон неожиданно получил мощную поддержку.

До полудня 25 сентября на участке обороны 92-й бригады никаких изменений не произошло. Как и в предыдущие дни, противник неоднократно атаковал ее позиции то на одном, то на другом участке. Но все его упорные попытки смять боевые порядки наших частей и прорваться с запада к Волге, а с юга к реке Царице отражались краснофлотцами.

И вдруг около 13 часов в штабе бригады стало известно, что враг прорвал оборону 914-го стрелкового полка 244-й стрелковой дивизии. Этот полк находился в оперативном подчинении командира 42-й стрелковой бригады и, будучи нашим соседом справа, оборонялся на рубеже железной дороги к северу от реки Царицы. В образовавшуюся брешь противник сразу же ввел свежие силы пехоты и танков. Продвигаясь в глубь нашей обороны, они подошли вплотную к командному пункту 92-й стрелковой бригады и окружили его. Здесь, в штольне, вырытой в крутых и высоких скатах северного берега реки Царицы, в 200 метрах от Волги, находилось все управление соединения и узел связи.

Немцы не решились сразу штурмовать командный пункт и ввязываться в рукопашную схватку. Обложив его со всех сторон, они вели интенсивный огонь из автоматов и пулеметов по выходам, а сверху забрасывали гранатами.

С противоположного берега Царицы по командному пункту вели огонь из пушек 2 танка противника. Немногочисленная охрана — несколько человек связистов и саперов — вместе с командирами штаба бригады, заняв круговую оборону, отстреливалась от наседавших на них фашистов. На вырубку срочно вызвали резервную роту атоматчиков. Через полчаса она уже контратаковала гитлеровцев, и еще до наступления темноты кольцо окружения было прорвано, нарушенные линии

связи исправлены и управление частями восстановлено. Но командный пункт бригады оказался теперь на переднем крае обороны, и перемещать его было некуда. Позади Волга, берег ее здесь пологий и совершенно открытый.

Автоматчики и танки врага, продвинувшиеся вдоль поймы реки Царицы, создали угрозу выхода на тылы боевых порядков 92-й и 42-й стрелковых бригад. Для ликвидации этой опасности пришлось оттянуть смежные фланги соединения несколько назад. Путь врагу к Волге был прегражден. Но положение частей бригады значительно ухудшилось. Теперь оборона, растянутая на 2,5 километра по фронту, имела глубину всего 100—200 метров. Боевые порядки наших подразделений оказались как на ладони. Они насквозь просматривались и простреливались всеми видами огня. Маневр в дневное время был совершенно невозможен. Подвоз боеприпасов почти совсем прекратился. С продуктами обстояло еще хуже — один сухарь в сутки, и тот часто делили на двоих.

Поддержка артиллерии и минометов, если не считать трех-четырёх орудий отдельного истребительно-противотанкового дивизиона, отсутствовала. Большая часть пушек этого дивизиона была выведена из строя в ходе предыдущих боев. Отлично действовавший до того минометный батальон старшего лейтенанта С. И. Железнякова (комиссар — политрук Ф. Г. Платонов) не имел ни одной мины.

5-я батарея отдельного артиллерийского дивизиона бригады своим метким огнем оказала большую помощь стрелковым частям, подбив за это время несколько танков и выведя из строя свыше 10 огневых точек противника, оборудованных в прочных каменных зданиях. При содействии мужественных артиллеристов было отражено 12 контратак фашистской пехоты, поддержанных танками, артиллерией и авиацией. Но 22 сентября огневые позиции батареи подверглись исключительным по силе массированным ударам артиллерии и авиации. В итоге вышли из строя 3 орудия, а из личного состава осталось всего-навсего 9 человек. Комбат старший лейтенант Л. Д. Лепорский был ранен, погибли комиссар батареи А. Г. Чухин и все командиры взводов. Практически батарея прекратила свое существование.

Дивизионную артиллерию соединений армии в Сталинград не переправляли. Она располагалась на левом берегу Волги и использовалась централизованно, в штабе армии. Здесь лучше было со снабжением боеприпасами, которые доставлялись прямо к орудиям. При этом исключалась масса трудностей и потерь, связанных с переправой их через реку. К тому же возможности маневра траекториями и колесами на левом берегу были более широкими, а условия маскировки в лесных массивах несравненно лучшими, чем в городе.

Поэтому артиллерийский и минометный дивизионы 92-й стрелковой бригады сразу же включили в состав армейской артиллерийской группы. Но командиры дивизионов не удосужились установить связь с командным пунктом комбрига с тем, чтобы можно было в любое время переключить огонь на поддержку своего соединения.

Так бригада, отрезанная противником от главных сил армии, осталась без огневой поддержки даже своих собственных дивизионов. Просить же о такой поддержке штаб армии не представлялось возможным, так как связи с ним не было.

Правда, в течение трех-четырёх дней морякам помогал своим огнем дивизион 85-го гвардейского гаубичного артполка Резерва Главного Командования. Он достался по наследству от 35-й гвардейской стрелковой дивизии.

Отсутствие связи со штабом армии было самой тяжелой проблемой в положении бригады. Неоднократные попытки восстановить ее не удались. В итоге стало невозможно оперативно информировать штаб армии о положении бригады, что исключало возможность исправлять ошибки командования бригады, оказывать ему необходимую помощь в пополнении личным составом, поддержке огнем артиллерии, снабжении боеприпасами и продуктами. Согласование своих действий с действиями главных сил армии также исключалось.

Только теперь, из архивных документов, нам стало известно, что, получив (хоть и с большим опозданием) сведения о тяжелом положении бригад и не имея в своем распоряжении резервов для их усиления, командующий армией обратился к командующему фронтом. 26 сентября в 9 час. 30 мин. он направил ему боевое донесение № 147, в котором сообщал: «Положение 92-й

и 42-й стрелковых бригад, понесших свыше 70% потерь, крайне тяжелое. Необходимо срочное усиление этих частей для удержания занимаемого рубежа»*.

А тем временем остатки бригады продолжали удерживать кромку сталинградской земли у берега Волги, отражая бесконечные атаки противника. В батальонах осталось по 25—45 человек. Плотность обороны снизилась до предела.

26 сентября враг атаковал наши позиции на берегу Волги особенно активно. Султаны разрывов мин, снарядов и бомб поднимались сплошной стеной. Горели и рушились прибрежные постройки, зияли пробоинами остовы порталных кранов, с треском валялись деревья, сраженные осколками и взрывной волной, вспахивались бомбами и снарядами окопы. Казалось, не было уже живого места на позициях моряков. Но как только немцы поднимались в атаку, воины в тельняшках опять вставали перед ними. Одним стрелковым оружием они отразили в этот день девять яростных атак многократно превосходящих сил врага. Подпуская фашистов на близкое расстояние, моряки метким огнем уничтожили около 500 солдат и офицеров противника, подбили танк, вывели из строя пушку и пять немецких пулеметов.

«До этого я десять месяцев был в действующей армии. Был во многих местах, но такого не видел. Люди — каменная стена. Их волю, их дух не могут сломить ни постоянные бомбежки, ни танковые атаки, ни непрерывный артиллерийский и минометный обстрел», — писал в эти дни домой помощник начальника политотдела бригады по комсомолу Магомед Меджидов.

Даже раненые, которые хоть немного могли двигаться, нередко принимали участие в отражении атак врага. Вот что пишет в своих воспоминаниях бывший секретарь комсомольской организации 4-го стрелкового батальона М. В. Лисичкин:

«Это были самые тяжелые для бригады и нашего батальона дни. Мы ежедневно отбивали до десяти атак фашистов, а они все лезли и лезли. Не хватало боеприпасов и продуктов питания. Центральная переправа была выведена из строя, поэтому в траншеях и блиндажах

* ЦАМО СССР, ф. 345, оп. 5487, д. 39, л. 177.

скопилось много раненых. Люди хотели пить, станковым пулеметам тоже нужна была вода. Рядом текла Волга, но подходы к ней находились под многослойным огнем противника. Мне не раз приходилось пробираться к реке под ливнем пуль, маневрируя между камнями и кучами бревен. Помню, под вечер 26 сентября зашел под железно-дорожный мост через реку Царицу, где лежало до 50 раненых краснофлотцев и командиров. В это время немцы снова перешли в атаку: выстрелы и взрывы гранат становились слышны все отчетливее.

Вдруг к медпункту подбежал батальонный комиссар Я. Л. Эйдель и крикнул:

— Братцы-североморцы! Немцы рядом, они забрасывают вас гранатами. Кто может, выходи отражать атаку!

И раненые заняли позиции вблизи медпункта и били фашистов кто из пистолета или автомата, кто из винтовки, а кто и гранатой. Это был редкий случай, когда атаку противника отбили раненые».

Огромную работу по организации обороны и отражению атак врага провели в те дни командиры и политработники частей бригады. Они личным примером воодушевляли воинов на подвиги. Наряду с твердым руководством боевыми действиями и большой разъяснительной работой особенно выделялись мужеством и деловой распорядительностью батальонные комиссары С. Я. Миньков, Я. Л. Эйдель, старший политрук П. И. Дробышев, майор В. Е. Яковлев, капитан И. И. Мальцев, старший политрук Н. И. Корженко, политрук М. Г. Новгородов, комиссар 1-го батальона старший политрук П. Г. Хорьков, старший лейтенант И. Т. Коваленко, лейтенант И. И. Немцов, лейтенант Б. С. Баран.

ИТОГИ БОЕВ НА РЕКЕ ЦАРИЦЕ

В ночь на 27 сентября, получив приказ, моряки покинули позиции на правом берегу Волги и переправились на остров Голодный.

Период сентябрьских боев южнее реки Царицы кончился. В этих боях 92-я стрелковая бригада с честью выполнила поставленные перед ней задачи. Приняв на себя огромной силы удар четырех дивизий врага, поддер-

жанных крупными силами артиллерии, танков и авиации, она в течение девяти дней стойко сдерживала их.

Выигранное время обеспечило поступление свежих сил для укрепления обороны города у Мамаева кургана и севернее его. С 19-го по 26 сентября в Сталинград переправились три стрелковые дивизии из резерва Ставки Верховного Главнокомандования (95-я, 284-я, и 193-я). Вслед за ними с 28 сентября по 2 октября в состав 62-й армии были переданы 39-я, 37-я гвардейские и 308-я стрелковые дивизии.

В те трудные сентябрьские дни отлично взаимодействовали подразделения всех родов войск. До последнего снаряда поддерживали стрелковые части орудия и противотанковые ружья истребительно-противотанкового дивизиона старшего лейтенанта А. И. Ванидзе (комиссар — старший политрук М. И. Фишбейн).

Неоценимую помощь в отражении вражеских атак оказывали своим огнем минометчики старшего лейтенанта С. И. Железнякова (комиссар — политрук Ф. Г. Платонов), минометная рота С. И. Волобуева.

Особенно согласованно со стрелковыми подразделениями действовали пулеметчики майора В. Е. Яковлева (комиссар — старший политрук М. З. Степанченко) и пулеметчики стрелковых подразделений В. Г. Коптяев и А. Г. Кильматов.

Саперы лейтенанта И. Ф. Гаденова, а после его гибели — младшего лейтенанта Е. Р. Гевита (комиссар — политрук И. Я. Поварич) умело расчищали путь стрелковым подразделениям в заграждениях противника, подрывали стены атакуемых домов, устанавливали минные поля.

Под непрерывным огнем врага днем и ночью поддерживали бесперебойную связь, обеспечивая четкое управление частями, связисты старшего лейтенанта Н. С. Ханыгина.

Никогда не забудут оставшиеся в живых чуткие заботливые руки девушек-санитарок. Раненые ласково называли их сестренками.

Беспрерывно рискуя жизнью, они разыскивали раненых на переднем крае, на ничейной полосе, оказывали им первую помощь и на своих хрупких плечах, а часто и ползком, вытаскивали их с поля боя вместе с оружием.

И. Е. Яковлев, начальник оперативного отделения штаба бригады

Д. И. Жаворонок, начальник связи бригады

Д. А. Батуев, рядовой 2-го отдельного стрелкового батальона

Н. И. Капитонова, санитарка 4-го отдельного стрелкового батальона

Нина Капитонова до войны работала учительницей в Чувашии. Когда фашистская Германия напала на нашу Родину, двадцатилетняя девушка добровольно ушла в ряды Красной Армии. Ее направили в 92-ю отдельную стрелковую бригаду, где она была санитаркой в стрелковом батальоне.

...Штурмовая группа атакует двухэтажный дом, в котором засел враг. Санитарка Капитонова с медицинской сумкой на боку продвигается в нескольких десятках метров за атакующими и старается не упустить момент, когда кому-либо из воинов потребуется ее срочная помощь.

В это время появились самолеты врага. Они кружились над батальоном и бомбили все живое. Израсходовав бомбы, сделали еще несколько заходов, строча из пушек и пулеметов по тем, кто уцелел после бомбовых ударов. Сильный огонь по морякам вели немецкие пулеметчики и автоматчики, засевшие в доме. Начали свою работу минометы и артиллерия врага.

По всему было видно, что противник не желает терять удобные позиции.

Трудно в такой обстановке оказывать медицинскую помощь. Необстрелянной девушке было страшно. Но чувство долга, понимание того, что для спасения жизни раненых дорога каждая минута, брали верх. И, преодолевая страх, Капитонова, прижимаясь к земле, решительно ползла за наступающими. Над ней, посвистывая, пролетали пули; ударяясь о землю, они поднимали фонтанчики пыли. Иногда, в нескольких метрах от санитарки, оглушая ее, разрывались снаряд или мина.

Вот совсем рядом молодой белобрысый матрос, который вел огонь из автомата, вдруг схватил бескозырку и прижал ее к левой стороне груди. Придерживая рукой санитарную сумку, Нина поползла к нему. Осмотрев рану, быстро сделала перевязку, подхватила бойца и ползком двинулась в обратный путь. Матрос стонал при каждом движении; она ласково уговаривала его потерпеть немного, а сама все ползла и ползла. От напряжения кружилась голова, глаза застилала слезы. Она задыхалась. Через каждые 5—7 метров останавливалась и немного отдыхала. До здания, где развернут батальонный пункт медицинской помощи, уже рукой подать, каких-нибудь 50—60 метров. В иных условиях это совсем

близко, но когда каждая пядь земли поражается огнем врага, метры превращаются в длинные километры. Время тянется томительно медленно.

Наконец санитарка добралась до медпункта. Сдала моряка врачу и сразу отправилась обратно, в пекло боя, где наверняка уже нуждались в ее помощи.

Тем временем обстановка изменилась в нашу пользу. Командование батальона подтянуло ближе орудия и минометы, которые начали интенсивно обстреливать опорный пункт врага. От минометного огня загорелся чердак, а затем обвалилась крыша, накрыв находившихся там гитлеровцев. Огневые точки немцев замолчали.

В воздух взвилось несколько красных ракет.

«Сигнал атаки», — подумала Капитонова. Ее внимание привлек широкоплечий моряк. Он бежал впереди. Приблизившись к зданию метров на двадцать пять, боец бросил в окно гранату. Раздался взрыв. Краснофлотец, не задерживаясь, прыгнул в оконный проем и для гарантии дал автоматную очередь. Осмотревшись, он увидел, как длинный, худой немец, стоявший в двери, уронил карабин и упал. Перепрыгнув через него, моряк бросился в соседнюю комнату и там неожиданно столкнулся с четырьмя вражескими солдатами. Хотел открыть по ним огонь, но его опередили — тяжело ранили.

Кругом еще слышался стрекот автоматных очередей и грохот взрывов гранат, а Нина уже осматривала раненого. Затянула его ногу жгутом, перевязала. Открыв глаза, матрос узнал Нину,

— Пить, пить! — произнес он и тут же снова потерял сознание.

Надо было спешить, бой в здании то утихал, то снова разгорался. Нина доставила и этого моряка на медицинский пункт, а сама опять ушла на передовую. В те дни Капитонова вынесла с поля боя 160 раненых с оружием. За этот подвиг она была награждена орденом Ленина.

К сожалению, отважная санитарка погибла. На родине Капитоновой, в Чувашии, свято чтут память о ней. Ее имя занесено в книгу знатных людей Урмирского района, в котором она до войны работала, а портрет помещен на районную доску Почета.

Санитарка Елена Богданова прибыла в бригаду из Северного флота в звании главстаршины медицинской службы. Родом из Белоруссии, Елена до войны работа-

ла на трикотажной фабрике «КИМ» в Витебске. Там, в рабочем коллективе, она получила жизненную закалку, стала стахановкой, ее выдвинули бригадиром.

Закончив курсы медсестер, Елена принимала участие в боях с белофиннами. Когда началась война с фашистской Германией, во время бомбежки погибли ее дочь и сын, а через некоторое время и муж. Велико было горе, но оно не сломило комсомолку. Она решила отдать все свои силы защите Родины, разгрому ненавистного врага. И вот Елена Богданова — санинструктор 92-й стрелковой бригады. Ежедневно жестокие бои, в которых каждый вынос раненого с поля боя — это подвиг. Более ста человек спасла Елена.

А когда складывалась крайне тяжелая обстановка, она брала в руки автомат и сражалась как боец. Не раз ходила в атаку вместе с краснофлотцами. В одной из схваток Богданова была ранена, но в медсанроту не ушла. Особенно смело действовала она в бою 23 сентября. Рота, оборонявшаяся на дамбе речного порта, попала в трудное положение. Все командиры и политрук вышли из строя. Осталось 18 человек. А враг наседал, и в действиях моряков начали появляться признаки неуверенности. В это время раздался возглас: «За Родину! Вперед!» Над бруствером окопа поднялась тонкая женская фигура с медицинской сумкой на боку и автоматом в руках. Это была Богданова. Она первой рванулась навстречу фашистам. Моряки устремились за ней и, обогнав ее, дружной контратакой опрокинули врага.

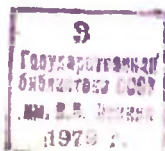
За героизм в бою и вынос с поля боя 120 раненых Богданова была награждена орденом Ленина. Сейчас Елена Федоровна живет в городе Архангельске.

Санинструктором отдельной разведроты бригады был моряк Сергей Коломейцев. Во время боев в районе реки Царицы он оказал помощь и вынес с поля боя свыше 100 раненых. Кроме этого, санинструктор действовал и как разведчик и как стрелок, непосредственно в боевых порядках, с оружием в руках.

Так же мужественно действовал и военфельдшер батальона автоматчиков Сергей Федотов. Он вынес с поля боя под огнем противника более 180 раненых.

Сергей Коломейцев и Сергей Федотов были награждены орденами Ленина.

Самоотверженность проявил весь медицинский пер-

сонал бригады. Его работа, несмотря на невероятное напряжение физических и духовных сил, отличалась высоким профессиональным мастерством.

В ночь на 24 сентября, когда центральная переправа перестала действовать, врач 2-го батальона (впоследствии начальник медсанслужбы) Андрей Жарков по указанию командования организовал сбор и эвакуацию раненых на левый берег Волги, используя подручные средства. В распоряжение Жаркова выделили саперов и бойцов. Из бревен, разбросанных по берегу, они быстро смастерили плоты. На каждом размещали по 2—3 тяжело- и по 4—5 легкораненых. Первых укладывали в середине плота, а легкораненые садились по краям и гребли кто обломком доски, кто куском фанеры, а кто полоской кровельного железа от крыши разрушенного дома. Все это происходило под непрерывным артиллерийским, минометным и автоматнo-пулеметным огнем противника. Таким путем только за одну ночь было эвакуировано свыше 2000 раненых.

Более двух суток не отходил от операционного стола хирург Н. В. Фрыгин. Он оперировал, пока буквально не свалился с ног. Ему помогали врач З. Ф. Алексеева и медсестры Мария Тодосьева и Нина Болдырева. После короткого отдыха врач продолжил операции. Всего за эти дни он прооперировал свыше 300 раненых. За свой самоотверженный труд был награжден орденом Красного Знамени.

О мужестве, отваге и массовом героизме воинов 92-й стрелковой бригады, проявленных ими в сентябрьских боях 1942 года, говорят не только архивные документы и воспоминания ветеранов. О них свидетельствуют и те, кто не принадлежал к личному составу соединения, но являлся очевидцем его боевых действий.

Бывший командир батареи 85-го гвардейского гаубичного артиллерийского полка Резерва Верховного Главнокомандования С. В. Глуховский рассказывает так:

«В Сталинграде мне довелось участвовать в поддержке боевых действий многих соединений, в том числе 13-й, 39-й, 37-й гвардейских и 138-й стрелковых дивизий. Там люди сражались героически. Но такого бесстрашия, какое проявляли воины 92-й стрелковой бригады, мне не приходилось встречать. Я видел, как моряки штурмом

брали бетонную громаду элеватора, как немцы, преследуемые по пятам краснофлотцами, в панике выбрасывались из окон верхних этажей, как на одной из улиц южнее реки Царицы моряки шли в атаку на огнеметы врага.

Дважды своими собственными глазами я видел, как, жертвуя собой, матросы бросались под фашистские танки, подрывая их вместе с собой. Моряки дрались за каждый дом, за каждую складку местности».

О храбрости, стойкости и мужестве моряков вынуждены были говорить даже наши враги. Упомянувшийся уже писарь из 94-й немецкой пехотной дивизии Гофман 26 сентября записал в своем дневнике: «Наш полк ведет непрерывные тяжелые бои. После взятия элеватора русские сопротивляются с таким же упорством. Их совсем не видно, они засели в домах и подвалах и бьют со всех сторон, в том числе и с тыла. В кварталах, занятых два дня тому назад, откуда-то появились русские солдаты, и бой разгорелся с новой силой. Наши люди гибнут не только на передовой, но и в тыловых, уже занятых кварталах. Русские совсем перестали сдаваться в плен. Сталинград — это ад!»*

Но единоборство с вооруженными до зубов гитлеровцами и морякам обходилось дорогой ценой. После сентябрьских боев в бригаде (без артиллерийского, минометного дивизионов и тылов) осталось 214 человек.

На правом берегу Волги, между рекой Царицей и элеватором, отдали свою жизнь, выполняя приказ «ни шагу назад», храбрейшие из храбрых, преданнейшие из преданных: старший политрук И. И. Митин, старший лейтенант Я. Н. Козлов, старший политрук Е. В. Жемчужный, начальник штаба 3-го батальона лейтенант Е. П. Тупикин, лейтенант И. Ф. Гаденов, командир батареи истребительно-противотанкового дивизиона лейтенант П. И. Кузнецов, командир взвода 4-го батальона лейтенант К. Я. Удодов, старшина 1-й роты 2-го батальона мичман М. З. Мерзликин, старший сержант В. П. Исайко, краснофлотец Д. А. Батуев и многие другие. Всего около 2000 человек. Почти 3000 воинов бригады были ранены. Многие из них впоследствии вернулись в строй и продолжали громить врага.

* Чуйков В. И. Начало пути, с. 276.

В сентябрьских боях североморцы уничтожили около 7000 гитлеровцев, сожгли, подбили и подорвали на минах 17 танков врага, подавили и частично уничтожили 9 артиллерийских и минометных батарей. В качестве трофеев было захвачено 9 минометов, 22 пулемета, свыше 300 винтовок и автоматов, много боеприпасов и военного снаряжения.

БЕЗ ПЕРЕДЫШКИ

В конце сентября 1942 года, по решению командующего армией, остатки 92-й стрелковой бригады вновь перебросили на правый берег, в район силикатного завода. Здесь они должны были усилить оборону армии, сменив часть подразделений 23-го танкового корпуса, сильно обескровленного в предыдущих боях.

Из остатков стрелковых подразделений бригады были созданы два стрелковых батальона. После пополнения личным составом за счет тыловых, артиллерийских, минометных и некоторых других подразделений в них насчитывалось около 170 человек. Командиром 1-го батальона был назначен старший лейтенант И. И. Иванов, комиссаром — политрук Донец, командиром 2-го — старший лейтенант Шальман, комиссаром — политрук Семькин.

С рассветом 30 сентября бригада вышла в назначенный ей район. Не успели стрелковые батальоны выдвинуться на рубеж силикатный завод — улица Винницкая, как фашистские войска перешли в наступление. Вместо смены танкистов пришлось с ходу вместе с ними вступить в бой. В это время командиром бригады был назначен майор В. И. Самодай.

Опять начались жестокие кровопролитные бои, в ходе которых дома на улицах Винницкой и Депутатской неоднократно переходили из рук в руки.

2 октября в район боевых действий бригады прибыли свежие части 308-й стрелковой дивизии, и остатки 92-й бригады (92 активных штыка) передали в оперативное подчинение командиру этой дивизии.

Противник непрерывно атаковал. Приходилось отражать по восемь-десять атак в день.

В ходе боя прервалась телефонная связь с 1-м стрел-

ковым батальоном. Посланные для ее восстановления два телефониста погибли. Возникла угроза потери управления батальоном. Тогда один молоденький связист — Александр Зотов — вызвался восстановить связь. Ловко пробираясь между развалинами, он тащил за собой телефонный кабель. Метрах в ста от командного пункта смельчак упал. «Неужели погиб?» — подумал командир. Но через несколько секунд сообщили, что связь с батальоном восстановлена. Александр Зотов, несмотря на ранение, с заданием справился. В тяжелом состоянии его отправили в медсанроту.

К 5 октября наступление противника было окончательно остановлено. Бригада закрепилась на рубеже: проспект Стахановцев — улица 9 января.

В тот же день, в связи с большими потерями и малочисленностью подразделений, остатки двух стрелковых батальонов были объединены в один сводный батальон. Командиром его был назначен майор В. Е. Яковлев, комиссаром — политрук С. М. Донец.

В одну из темных ночей, когда начальник разведки бригады был на переднем крае обороны, а его заместитель старший лейтенант А. С. Лукаш, отправив в разведотдел армии очередное донесение, готовился отдохнуть, запищал зуммер телефонного аппарата.

— Товарищ Лукаш, зайдите в землянку оперативного отделения к Яковлеву, — послышался в трубке голос начальника штаба бригады.

— Есть, товарищ майор, — ответил Лукаш.

В землянке былолюдно. Там находилось все командование бригады.

Не успел Лукаш доложить о своем прибытии, как комбриг майор Самодай, прервав его, приказал:

— Товарищ Лукаш, надо во что бы то ни стало взять «языка». На это отвою трое суток. Больше времени дать не могу, обстановка не позволяет.

— Понял вас, товарищ майор! — сказал Александр Степанович. Не теряя времени, он отправился на наблюдательный пункт разведывательной роты, который размещался в это время в боевых порядках сводного батальона.

Двое суток провел заместитель начальника разведки на наблюдательном пункте, подбирая объект поиска. Наконец решил готовить нападение на пулемет противни-

ка, который был выдвинут несколько ближе других к переднему краю нашей обороны.

Ночью разведчики заняли исходное положение. Дождь и темнота помогли им подползти довольно близко. По сигналу, как и было условлено, стрелковая рота, отвлекая внимание противника, внезапно атаковала опорный пункт врага в 150 метрах правее разведгруппы. Фашисты встретили атакующих огнем автоматов и пулеметов. Открыл огонь и намеченный объект поиска.

Пользуясь возникшей суматохой, группа захвата бросилась вперед и, забросав огневую точку врага гранатами, ворвалась в окоп. Из трех находившихся там гитлеровцев двое были убиты, а третий ранен. Захватив последнего, разведгруппа под прикрытием огневых средств сводного батальона благополучно отошла в свое расположение.

От «языка» были получены важные сведения.

Кстати, немного о разведке. В Сталинграде она имела ряд особенностей, затруднявших добывание сведений о неприятеле. Эти особенности вызывались, главным образом, условиями боев в крупном городе, наличием многочисленных местных предметов.

Многочисленные здания, развалины, насыпи железнодорожного полотна, вагоны, бензобаки и другие сооружения и крупные предметы значительно сокращали дальность обзора местности. Из-за этого приходилось увеличивать число наблюдательных пунктов.

Положение осложнялось тем, что фашистам с самого начала боев удалось овладеть целым рядом высоких зданий и высот, которые занимали господствующее положение по отношению к нашим войскам, находившимся, как правило, в низине. Таким образом, с наших наблюдательных пунктов труднее было вести просмотр расположения вражеских позиций и огневых точек. А точные данные о противнике требовались постоянно. Поэтому применялись различные способы их добычи.

Здания, занятые нашими бойцами, часто находились в 20—25 метрах от зданий, которые обороняли фашисты. Бывали случаи, когда воюющие стороны располагались в одном здании и их разделяли только стена или потолок. Такую близость врага разведчики использовали в своих целях. На передний край, а там, где расстояние до противника было сравнительно большим, на ни-

чейную землю высылались специальные группы подслушивания. В них включались бойцы, которые обладали лучшими навыками в распознавании различных звуков и шумов. Очень желательным для них было и знание немецкого языка. Но таких, к сожалению, было очень мало.

Тщательный анализ данных наблюдения и подслушивания давал возможность не только определить начертание переднего края, размещение огневых средств и системы ближнего огня обороны врага, но и сделать правильные выводы о его намерениях.

Мы использовали малейшие возможности для засылки разведывательных групп в расположение неприятеля. Правда, осуществить это удавалось не всегда, так как вражеские войска действовали, как правило, в очень плотной группировке и не имели ярко выраженных промежутков в стыках своих частей и соединений. Кроме того, фашисты, с которых советские воины уже сбили прежнюю спесь, были бдительны и осторожны. Даже на восстановление нарушенных линий связи, особенно ночью, они выходили только группами. Их разведчики почти не пытались проникнуть в наше расположение. Таким образом, результативность действий наших разведывательных групп в засадах крайне ограничивалась.

Поэтому приходилось как можно чаще прибегать к поиску для захвата пленных.

...14 октября с наступлением рассвета, после артиллерийской и авиационной подготовки, враг вновь на широком фронте перешел в решительное наступление. Оборонительные позиции наших соединений атаковали отборные немецкие дивизии, поддержанные сотнями танков. В этот день фашистская авиация совершила около 3000 самолето-вылетов, стервятники бомбили и поливали свинцом наши боевые порядки почти без перерывов. Артиллерия и минометы противника с утра и до наступления темноты засыпали войска 62-й армии снарядами и минами. Поле боя почти все время было закрыто пеленой пыли и дыма. Пожалуй, в боевых порядках наших частей не было ни одного квадратного метра, где бы не разорвались снаряд, мина или авиабомба.

После полудня прямым попаданием бомбы был разрушен командный пункт бригады, выведен из строя узел связи.

Немцы нагло рвались к Волге. Им казалось, что все смято, разворочено, разбито. Но как только они пошли в атаку, снова заработали наши пулеметы. Особенно отличились пулеметчики лейтенанта В. С. Анашкина. Сотни вражеских трупов устлали улицу 9-го января. Умело управляя огнем взвода, офицер, при необходимости, сам ложился за пулемет. Иногда фашистам удавалось приблизиться вплотную и забросать пулеметчиков гранатами, тогда те расстреливали противника в упор. За смелость и мужество, проявленные в бою, В. С. Анашкин был награжден орденом Красной Звезды.

Крайне тяжелое положение сложилось на позициях 37-й гвардейской стрелковой дивизии. На помощь ей были брошены силы, снятые с других участков. Туда была направлена и наша обескровленная бригада. Сдав свой участок обороны частям 308-й стрелковой дивизии, сводный батальон в ночь на 15 октября броском вышел к поселку тракторного завода и получил задачу прочно оборонять рубеж в 100—150 метрах юго-восточнее объекта «Минусинск». Однако этот рубеж оказался занятым немцами, и столкновение было неожиданным для обеих сторон.

Пришлось вступить в бой с врагом, о силах и расположении которого ничего не было известно. Обстановка усложнялась почти полным отсутствием видимости и незнанием местности. Несмотря на это, фашисты были отброшены за полотно железной дороги.

С рассветом в бой вступили гитлеровские танки. Но они не смогли преодолеть разделявших нас нескольких линий железной дороги, на которых стояли вагоны. Их попытки помочь пехоте огнем тоже ни к чему не привели. Все атаки врага были отбиты. Тогда на помощь своей пехоте фашисты бросили авиацию. Началась бомбежка. Одновременно враг открыл сильный артиллерийский и минометный огонь. Загорелись близлежащие дома и вагоны. Люди глохли от непрерывных мощных разрывов бомб и снарядов, они не слышали команд. От дыма и пыли видимость сократилась чуть ли не до 100 метров.

Из 147 человек личного состава в батальоне осталось 12. Его командир майор Яковлев был ранен и эвакуирован в тыл. Связь с командным пунктом армии отсутствовала.

В штаб армии последовательно были посланы два

офицера с донесениями о сложившихся условиях боевой обстановки, но оба погибли в пути.

Командование бригады должно было принять срочные меры, чтобы не допустить прорыва противника вдоль берега Волги к штабу армии.

— Прошу разрешить мне пробраться на армейский командный пункт и доложить обстановку командующему или начальнику штаба армии. Они наверняка помогут,— обратился к комбригу начальник оперативного отделения штаба И. Е. Яковлев.

— Что ж, обстановка требует послать не только самого смелого и находчивого, но и грамотного в военном отношении, всесторонне осведомленного командира, который сумел бы точно доложить о нависшей угрозе прорыва немцев на нашем участке,— сказал комбриг.

Он тут же уточнил задачу, и Яковлев приступил к ее выполнению. Иосиф Емельянович направился к окопам разведчиков, которые, как последний резерв, были привлечены к обороне командного пункта, и позвал одного из лучших разведчиков бригады Василия Козлова. Вдвоем они направились к Волге. Яковлев молчал. Козлов, зная девиз разведчиков «делай, как я», тоже не нарушал тишину и был готов к любым действиям.

Чем ближе подходили к берегу Волги, тем чаще вставали на их пути огневые вражеские заслоны. Они то падали и ползли по-пластунски, то поднимались и бежали, чтобы выйти из зоны обстрела. Наконец достигли крутого волжского берега. Справа увидели обрыв, слева — холодные темные воды Волги. Между ними — узенькая полоска земли, которую немцы поливали огнем днем и ночью. Яковлев остановился у обрыва. Противник вел беглый артиллерийско-минометный огонь. Но угол падения снарядов был невелик, и поэтому они разрывались или в реке, или на верхнем краю обрыва. Подножие же последнего находилось в непоражаемом пространстве. Здесь можно было пройти.

Дальше, на удалении более полукилометра, по берегу вели огонь тяжелые минометы противника. Их мины рвались на всей прибрежной полосе. Зато огневые налеты повторялись через десять минут. Яковлев понял, что, подойдя вплотную к рубежу разрывов мин, можно во время интервала между огневыми налетами броском преодолеть опасное место.

Оценив, таким образом, обстановку, Иосиф Емельянович разъяснил план действий Козлову, и они благополучно миновали зону заградительного огня артиллерии и минометов. Отдыхавшись, двинулись дальше. Командный пункт армии был уже недалеко. Но на этом не кончились их испытания. Не успели они сделать и десяти шагов, как над ними загудели два ночных бомбардировщика. Осветив местность ракетами, вражеские самолеты начали бомбежку и обстрел прибрежной полосы из бортового оружия. Пришлось отсиживаться в воронке от бомбы. Израсходовав боеприпасы, самолеты ушли, и посланцы наконец добрались к месту назначения.

Иосиф Емельянович разыскал начальника штаба армии генерал-майора Н. И. Крылова и доложил о положении своего соединения. Генерал выслушал старшего лейтенанта, задал несколько уточняющих вопросов и сообщил, что уже есть решение командарма о передаче рубежа обороны бригады 650-му стрелковому полку вновь прибывшей в состав армии 138-й стрелковой дивизии. И генерал отдал соответствующие распоряжения.

Штаб бригады и штабы ее частей, а также остатки специальных подразделений в ночь на 17 октября переправились на левый берег Волги. К рассвету того же дня они прибыли в район расположения своих тылов — хутор Рыбачий — для укомплектования личным составом и вооружением. Артиллерийский и минометный дивизионы остались на левом берегу Волги, поддерживая огнем боевые действия частей 308-й стрелковой дивизии.

По прибытии к месту укомплектования сразу же были приняты меры к возвращению в бригаду выздоравливающих после ранения моряков. Во все госпитали, медсанбаты и запасной полк армии отпавились штабные командиры и политработники, которые взяли на учет всех североморцев и договорились о том, чтобы после выздоровления они были направлены в свое соединение.

Так началось возрождение бригады.

ВНОВЬ СТАЛИНГРАД!

31 октября в бригаду начали прибывать моряки с Тихоокеанского флота. Они просили побыстрее направить их в Сталинград. Но на сухопутье почти никто из них

не воевал. Поэтому с прибывшими ежедневно проводились занятия, на которых они знакомились с особенностями действия в крупном населенном пункте, получали первичные практические навыки ведения боя в городе, изучали материальную часть оружия.

Для основательной боевой подготовки вновь формируемых частей времени не было. Приходилось рассчитывать на то, что новичкам помогут уже закаленные в боях за Сталинград североморцы. Они должны были цементировать части и подразделения бригады, создать прочный, единый боеспособный коллектив. Эти надежды командования в последующих боях оправдались.

К сожалению, укомплектовать бригаду полностью не удалось. 5 ноября к штатной численности недоставало свыше полутора тысяч человек. С оружием, боевой техникой и зимним обмундированием дело обстояло не лучше, так как армия не располагала соответствующими запасами. Для получения и доставки всего необходимого требовалось время. А его-то как раз и не было.

Обстановка в Сталинграде усложнялась с каждым днем. Немецко-фашистское командование стремилось как можно быстрее сбросить войска 62-й армии в Волгу, чтобы до наступления зимних холодов окончательно овладеть городом. Сражение разгоралось с новой силой. Северная группа войск полковника С. Ф. Горохова, отрезанная от главных сил армии, вела тяжелые бои за поселки Рынок и Спартановка почти в полном окружении. За заводы «Красный Октябрь» и «Баррикады» стойко сражались части 308-й, 138-й и 45-й стрелковых дивизий. Здесь противник сосредоточил свои главные силы и вводил в бой все новые и новые резервы. В жестоких непрерывных боях наши соединения несли большие потери.

К тому же штаб армии располагал сведениями о подготовке врага к новому мощному наступлению.

Вот почему возникла необходимость ввести в бой 92-ю стрелковую бригаду, не дожидаясь завершения ее доукомплектования. Это диктовалось и метеорологическими условиями. В ноябре на Волге должен был начаться ледоход, преодолеть который переправочные средства не смогли бы. И тогда до середины или конца декабря, пока река не замерзнет, переправа была бы невозможной.

Учитывая все эти обстоятельства, командующий армией 9 ноября отдал приказ, в котором указывалось, что противник, сосредоточив новые силы в районе высоты 102,0 (Мамаев курган), готовит наступление с целью разобщить фронт армии на участке овраг Банный — овраг Долгий. Сюда, к подножию юго-восточных скатов кургана, на смену подразделений 284-й стрелковой дивизии и направлялись основные силы бригады. 2-й стрелковый батальон, еще не полностью обеспеченный оружием и зимним обмундированием, планировалось переправить на десять дней позже. Задерживалась переправа и отдельных батальонов автоматчиков и 82-миллиметровых минометов, а также 3-й батареи истребительно-противотанкового дивизиона и одной роты пулеметного батальона.

Бригада опять вводилась в бой по частям, что, естественно, ослабляло ее боевые возможности. Кроме того, 3-й стрелковый батальон сразу же выводился из состава бригады в резерв командарма.

В ночь с 9-го на 10-е и с 10-го на 11 ноября на правый берег Волги переправились 4-й стрелковый батальон майора С. Я. Минькова, 1-й стрелковый батальон капитана В. Б. Меджибовского, часть 3-го батальона, пулеметный батальон, разведрота, две батареи истребительно-противотанкового дивизиона.

Части, переправившиеся в Сталинград, заняли оборону на западной и южной окраинах метизного завода, а командный пункт бригады разместился в 400 метрах восточнее.

Ранним утром 11 ноября после сильной артиллерийской и авиационной подготовки гитлеровцы перешли в наступление. Главный удар наносился в стык 138-й и 95-й стрелковых дивизий в районе завода «Баррикады».

А через пять часов, смяв боевые порядки правифланговых подразделений 241-го стрелкового полка 95-й стрелковой дивизии, пехота и танки противника вышли к Волге на участке шириной 500—600 метров. В итоге 138-я стрелковая дивизия была отрезана от главных сил армии. На остальных же участках немцы успеха не имели, хотя и здесь предпринимали многочисленные атаки.

На следующий день немцы вновь атаковали наши

войска на прежних направлениях. Бои шли за каждый дом, за каждое сооружение. И на этот раз наступление вражеских войск захлебнулось. Они были вынуждены окончательно перейти к обороне.

Западную окраину метизного завода, по которой проходил передний край нашей обороны, и подножие Мамаева кургана, где находились немецкие передовые позиции, разделяла широкая железнодорожная насыпь с несколькими линиями рельсовых путей, загроможденных вагонами. Она находилась в руках противника и резко ограничивала наш обзор. Гитлеровцы же просматривали не только местность перед нашими позициями, но и всю глубину обороны бригады.

В другом месте — южнее метизного завода — проходил овраг Долгий. В предыдущих боях немцам удалось овладеть его северным берегом и выдвинуть почти вплотную к нашей обороне усиленное боевое охранение, в составе которого было 4 станковых и несколько ручных пулеметов. Это тоже давало фашистам большие преимущества. Поэтому перед командованием бригады остро встал вопрос о необходимости улучшения занимаемых позиций.

Вновь назначенный 12 ноября командир бригады майор В. М. Штриголь решил: ночными действиями штурмовых групп, методически, одну за другой, захватывать огневые точки и опорные пункты гитлеровцев, контролирующую нашу оборону.

Части начали подготовку к наступлению. Они тщательно изучали расположение огневых точек противника, начертание его траншей, ходов сообщения, подходы к ним, наличие препятствий и заграждений. В ночное время готовили исходные позиции для атаки, проделывали проходы в его минных полях, совершенствовали свою оборону (рыли траншеи и ходы сообщения, устраивали заграждения, оборудовали огневые позиции для пулеметов, противотанковых ружей, минометов и т. п.). Днем люди, сменяя друг друга, отдыхали. Дежурные подразделения находились в готовности к отражению атак противника.

Большую организаторскую и политико-воспитательную работу провели в эти дни командиры и политработники частей и подразделений, командование, штаб и политотдел бригады. Особой энергией отличался замести-

В. М. Штриголь, командир бригады, впоследствии Герой Советского Союза

А. О. Хозяинов, командир пулеметного взвода 2-го отдельного стрелкового батальона

П. И. Дробышев, секретарь партбюро 2-го стрелкового батальона

С. А. Рыбас, радист штаба бригады

тель командира бригады по строевой части майор И. П. Аверичев. Он все ночи напролет проводил на переднем крае. Иногда приказывал переделать неправильное, а подчас и сам брался за кирку или лопату.

На рассвете офицеры управления бригады возвращались из частей и подразделений на командный пункт усталые, измазанные липкой землей, но довольные, ведь с каждой ночью, с каждым часом оборона бригады становилась прочнее и надежнее. Их настроение передавалось всем воинам, рвавшимся в бой.

Вспоминая об этом периоде, нельзя не упомянуть о снайперском движении, которое широко распространилось в те дни во всех соединениях 62-й армии. Главным организатором и руководителем его в нашей бригаде был майор И. П. Аверичев. Опыт позволял ему выявлять метких стрелков в подразделениях. Он обучал их хитрому снайперскому мастерству — искусству маскировки, тщательного наблюдения и меткого огня.

В бригаде выросли такие прославленные мастера меткого выстрела, как Михаил Мамеков, Александр Залыгин, Иван Чумаков, Михаил Рыбаков, Семен Сеницын, Степан Васенков, Василий Матвеев и другие. Снайперы наносили большой ущерб врагу. К концу Сталинградской битвы на счету самого лучшего из них — Мамекова — было свыше 260 уничтоженных фашистов, а руководимая им группа снайперов вывела из строя более 1000 солдат и офицеров.

Наряду с совершенствованием обороны, бригада вела систематическую разведку противника. Хорошо действовала в эти дни группа разведчиков во главе с коммунистом сержантом В. В. Маркиным. Выполняя поставленную задачу, они незаметно подползли почти вплотную к фашистскому дзоту. Но, внезапно освещенные ракетой, были обнаружены. Не растерялся комсомолец Юрий Комогорцев. Не медля ни секунды, он бросил противотанковую гранату в амбразуру. Остальные забросали гранатами выходы из дзота и прилегающие к нему участки траншеи. Ворвавшись в дзот, разведчики увидели искореженный пулемет и возле него двух убитых пулеметчиков. Третий был невредим; перепуганный, он поднял руки. Прихватив его с собой, разведчики отошли в свое расположение. Пленный оказался солдатом 516-го пехотного полка 295-й пехотной дивизии.

После полудня 16 ноября на немецкие траншеи и дзоты внезапно обрушился мощный огонь нашей артиллерии и минометов, который бушевал полчаса. В артподготовке участвовали артиллерийский и 120-миллиметровый минометный дивизионы бригады, один артдивизион соседа слева (13-й гвардейской стрелковой дивизии) и одна артиллерийская батарея правого соседа (284-й стрелковой дивизии). Гитлеровцы, еще не пришедшие в себя после сна, выскакивали из блиндажей и, занимая свои позиции, несли большие потери. Они были подавлены, но не сломлены окончательно.

Овраг Долгий, проходивший на стыке 92-й стрелковой бригады и 13-й гвардейской дивизии, был одним из самых слабых мест нашей обороны. Ровно в четыре часа штурмовые группы 1-го стрелкового батальона атаковали опорный пункт на северном берегу этого оврага. Их встретил огонь уцелевших вражеских пулеметов, автоматов, орудий и минометов. Помогли морякам противотанковые ружья и орудия истребительно-противотанкового дивизиона.

Наша пехота, ведя огонь из стрелкового оружия и забрасывая огневые точки гранатами, окружила и уничтожила их. К концу дня вражеский опорный пункт на северных скатах оврага перестал существовать. Было истреблено около 130 гитлеровцев. 1-й стрелковый батальон получил возможность контролировать своим огнем овраг, который до этого использовался немцами как очень удобный, скрытый подход к своим позициям из глубины.

В ночь на 19 ноября в Сталинград переправился отдельный минометный батальон старшего лейтенанта С. И. Железнякова, а в ночь на 20 ноября — 2-й отдельный стрелковый батальон лейтенанта Г. С. Кокошко (замполит — старший лейтенант Л. И. Полковников) и отдельный батальон автоматчиков лейтенанта Н. С. Калининичева (замполит — политрук А. И. Храмов).

Минометный батальон приступил к оборудованию огневых позиций восточнее метизного завода. 2-й стрелковый батальон занял оборону левее 1-го, по северному берегу оврага Долгий. Батальон автоматчиков был выведен в резерв командира бригады и сосредоточился в районе улицы Артиллерийская.

19-го и 20 ноября наши войска под Сталинградом перешли в решительное контрнаступление. Это еще вы-

ше подняло дух всех советских людей и в первую очередь защитников Сталинграда.

Бригаде предстояло продолжать боевые действия по улучшению своих позиций. Теперь это намечалось осуществить западнее метизного завода. Противник имел на этом участке два очень мощных опорных пункта, которые сковывали нас по рукам и ногам.

Один из них располагался в районе железнодорожного моста, против правого фланга бригады, где занимал оборону 4-й стрелковый батальон. Этот опорный пункт считался неприступным. Немцы создали тут крупное долговременное сооружение, в котором располагались 4 пулемета и одно орудие, прикрытые железобетонным основанием моста. До прибытия сюда 92-й стрелковой бригады им трижды пытались овладеть подразделения 284-й стрелковой дивизии, привлекая дивизионную артиллерию и армейских саперов. Но безуспешно. Наши орудия 45- и 76-миллиметрового калибра не смогли разрушить сооружение. Для этого требовалась артиллерия более крупного калибра.

Мы решили взорвать это мощное огневое сооружение толом. Задачу возложили на отдельную саперную роту лейтенанта А. К. Семенова.

Чтобы отвлечь внимание противника, 1-й стрелковый батальон, оборонявшийся на левом фланге бригады, и левофланговые подразделения 4-го батальона начали активные действия. Немцы всполошились и открыли ответный огонь. Все свое усилие они сосредоточили на нашем левом фланге. А в это время на правом фланге саперы, под покровом темноты, проделали проходы в минных полях и скрытно, под самым носом у противника, перетаскили к мосту и заложили там около 400 килограммов взрывчатки. Отважно и умело действовали помощник начальника штаба 4-го батальона старший лейтенант И. И. Лисицкий, возглавлявший эту операцию, командир взвода отдельной саперной роты младший лейтенант А. Ю. Вигдорчик, командир отделения сержант П. А. Грищенко и рядовые И. А. Позынич и В. Е. Косырев. Своим примером они воодушевляли и увлекали за собой товарищей. В 2 часа 30 минут 21 ноября Сталинград и его окрестности потряс огромной силы взрыв. В воздух взлетело мощное сооружение врага со всем его гарнизоном и огневыми средствами. Не успели еще

осыпаться обломки железобетона, как 3-я стрелковая рота 4-го батальона рванулась вперед и быстро овладела руинами опорного пункта. В качестве трофеев подобрали два станковых, два ручных пулемета и исковерканную взрывом пушку. Захватить пленных, к сожалению, не удалось, так как ни одного фашиста не осталось в живых.

Между тем разведотдел штаба армии уже несколько дней требовал взять «языка». Нелегкая задача по захвату пленного была возложена на старшего лейтенанта А. С. Лукаша. В тот же день он со взводом разведчиков выдвинулся в район обороны 4-го отдельного стрелкового батальона. Здесь, за железнодорожной насыпью, на ничейной земле, стояли подбитые немецкие танки. Все они тщательно охранялись. Ближайший к нам находился метрах в пятидесяти.

Поздней ночью, когда бой затих и гитлеровцы, успокоившись, только изредка освещали местность ракетами, разведчики осторожно взобрались на насыпь железной дороги. Оставив на ней часть взвода в готовности обеспечить огнем отход группы захвата, А. С. Лукаш с пятью краснофлотцами спустился вниз, в нейтральную зону. Они незаметно подползли к ближнему танку и, укрывшись в воронке в полсотне метров от него, стали наблюдать.

При очередной вспышке ракеты смельчаки заметили часового. Плотнo прижимаясь к земле, они подползли к нему еще ближе. Когда до немца оставалось не более 30 метров, старший лейтенант Лукаш приказал сержанту Петру Халимонову взять с собой двух моряков и без шума захватить часового.

Группа исчезла в темноте. Возвратилась она через несколько минут. Моряки притащили громадного немецкого солдата с кляпом во рту.

Командование и штаб бригады продолжали тем временем решать вопросы улучшения занимаемых позиций, готовя условия для штурма Мамаева кургана. Все понимали, что наступление не за горами.

3-й отдельный стрелковый батальон капитана И. Т. Коваленко (замполит — политрук Я. А. Савватеев) не принимал участия в боях на метизном заводе. На его

долю выпала еще более трудная и важная задача. Командующий армией генерал-лейтенант В. И. Чуйков направил его в оперативное подчинение командира 95-й стрелковой дивизии полковника В. А. Горишного. Здесь, восточнее завода «Баррикады», противник прорвался к Волге и отрезал 138-ю стрелковую дивизию полковника И. И. Людникова от главных сил армии.

Батальон, к сожалению, не мог использовать все свои возможности, так как не успел завершить формирования и вводился в бой по частям. В ночь с 10 на 11 ноября на правый берег Волги переправилось только 208 воинов этого батальона, в том числе рота противотанковых ружей — 37 человек. Затем, через три дня, в район боевых действий прибыла рота автоматчиков (79 человек). Последняя группа (170 человек) была доставлена в район боевых действий только 17 ноября.

Перейдя на рассвете 12 ноября в контратаку, батальон отбросил врага от берега Волги на 70—100 метров. При помощи офицеров связи был восстановлен контакт с частями 138-й стрелковой дивизии. Однако развить наступление или хотя бы закрепить достигнутый успех было нечем, так как ни 3-й батальон 92-й стрелковой бригады, ни 95-я стрелковая дивизия необходимых для этого сил не имели. К тому же в ходе контратак и жестких схваток с прорвавшимся к Волге неприятелем батальон понес большие потери. Командир 95-й стрелковой дивизии после боя доносил, что в 3-м батальоне нашей бригады осталось всего 15 активных штыков. А враг не давал ни минуты передышки.

13 ноября в 16 часов гитлеровцы, введя свежие силы, при поддержке артиллерии и минометов, перешли в атаку в пятый раз. Им удалось вклиниться в расположение моряков и расчленить их на отдельные изолированные мелкие группы. В этих невероятно трудных условиях боевой обстановки краснофлотцы не изменили славным морским традициям, они сражались с ненавистным врагом до последнего дыхания.

13 ноября в боевом донесении полковника В. А. Горишного сообщалось: «Небольшая группа 3/92 ОСБр во главе с командиром роты противотанковых ружей лейтенантом И. П. Шпорт отрезана противником на обрыве Волги, в 200 метрах северо-восточнее бензобаков и ведет бой в окружении. Связи с ней не имеется».

Горы трупов врага уложили перед своими позициями наши воины. Но силы были неравны. И гитлеровцам ценой огромных потерь удалось овладеть бензобаками и опять выйти к Волге. Впоследствии в этот район командарм направил дополнительные силы. Но и противник вводил в бой новые резервы, и пробиться к 138-й стрелковой дивизии полковника И. И. Людникова на этот раз так и не удалось.

Вспоминая те тяжелые ноябрьские дни героической обороны Сталинграда, Маршал Советского Союза В. И. Чуйков писал: «Пьяные обезумевшие фашисты лезли напролом. Матросы с Дальнего Востока, пополнившие стрелковую дивизию Горишного, показали захватчикам «где раки зимуют» и как дерутся славные краснофлотцы. Бензобаки на Тувинской улице несколько раз переходили из рук в руки. Краснофлотцы в пылу боя сбрасывали с себя шинели и в одних тельняшках и бескозырках, отбив атаки, сами переходили в наступление»*.

В результате кровопролитных боев в районе ул. Мезенская и у бензобаков обе стороны понесли большие потери. У немцев они доходили до нескольких тысяч убитых и раненых. В нашем же 3-м батальоне вышел из строя не только рядовой, но и весь офицерский состав. Были тяжело ранены: командир батальона капитан И. Т. Коваленко, его заместитель по политчасти политрук Я. А. Савватеев, начальник штаба батальона лейтенант А. Ф. Солнцев, политруки рот: автоматчиков — В. Р. Быков и противотанковых ружей — В. М. Верхотуров, большинство командиров рот и взводов; погиб политрук В. С. Егоров и многие другие. 19 ноября полковник В. А. Горишный доносил, что 3-й батальон 92-й отдельной стрелковой бригады имеет в наличии всего 3 человека, которые переданы 241-му стрелковому полку.

Так закончился короткий, но героический боевой путь 3-го отдельного стрелкового батальона.

О значении тех ожесточенных боев Маршал Советского Союза В. И. Чуйков писал, что своими контратаками наши войска хотя и не восстановили положение, зато и противнику не позволили уничтожить дивизию Людникова.

* Чуйков В. И. Начало пути, с. 228.

ШТУРМ МАМАЕВА КУРГАНА

После перехода в контрнаступление войск Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов 19-го и 20 ноября задача 62-й армии заключалась в том, чтобы активными действиями сковать противника в Сталинграде и облегчить, таким образом, разгром врага войсками наших ударных группировок.

При определении задач армии учитывались конкретные условия боевой обстановки, сложившейся в городе. А они были таковы, что враг разрезал армию на три части и прижал ее почти к самому берегу Волги. Ширина фронта обороны достигала 20 километров, глубина боевых порядков не превышала километра, а на левом фланге сокращалась даже до 200—300 метров. Возможность маневра в дневное время почти полностью исключалась.

Положение защитников Сталинграда усложнялось тем, что Мамаев курган и высота 107,5 находились в руках противника. Владея ими, вражеские артиллеристы как бы имели ключи к обороне города. Расположив там наблюдательные пункты, они просматривали и простреливали не только всю глубину боевых порядков наших соединений, но и подходы к ним с тыла. Река и все транспорты, шедшие по ней, были видны с этих высот как на ладони. Это значительно сокращало возможности подвоза в Сталинград всего необходимого для обороны города. Боеприпасы, продовольствие, снаряжение и войска для пополнения армии могли доставляться на правый берег только в ночное время.

«Разумеется, с таким положением нельзя было мириться, и армия поставила перед собой две первоочередные задачи: соединиться с дивизией Людникова, уничтожив противника, вышедшего к Волге, и овладеть Мамаевым курганом и высотой 107,5...»*.

Мамаев курган — большая возвышенность с отметкой 102,0. На отлогих скатах ее просматриваются небольшие высотки. Овладеть Мамаевым курганом было приказано 284-й стрелковой дивизии и 92-й бригаде.

В дни героической обороны Сталинграда бои за курган почти не прекращались. Его вершина переходила из

* Чуйков В. И. Сражение века, с. 357.

рук в руки, а склоны были буквально перепаханы разрывами бомб и снарядов. За Мамаев курган в разное время сражались воины 13-й гвардейской, 112-й, 95-й, 284-й стрелковых дивизий и краснофлотцы 92-й отдельной стрелковой бригады.

После захвата гитлеровских опорных пунктов в районах железобетонного моста и трансформаторной будки частям бригады открылся широкий обзор на юго-восточные скаты этой высоты, хорошо оборудованные врагом в инженерном отношении. Они были изрыты траншеями и ходами сообщения, усеяны дзотами и блиндажами. В ряде мест разведка обнаружила и танки, закопанные в землю, которые являлись своеобразными долговременными огневыми точками. Все эти сооружения плотно прикрывались минными полями и проволочными заграждениями.

Боевые действия по овладению юго-восточными скатами Мамаева кургана, с целью улучшения занимаемых позиций, 92-я стрелковая бригада частью сил начала по своей инициативе.

Во второй половине дня 21 ноября после короткой артиллерийской подготовки 4-й стрелковый батальон перешел в атаку и овладел первой линией немецких траншей. Однако дальнейшее продвижение было остановлено огнем неподавленных огневых точек врага.

В этот же день вечером был получен приказ командарма о наступлении силами всей бригады.

Оценив обстановку, майор В. М. Штриголь решил: сковав противника активными действиями 1-го стрелкового батальона слева, главный удар нанести на правом фланге силами 4-го и 2-го стрелковых батальонов. В резерв выделялся батальон автоматчиков лейтенанта Н. С. Калининцева.

Ближайшими объектами атаки на юго-восточных скатах Мамаева кургана были две небольшие безымянные высоты в пятистах метрах западнее метизного завода. Ту из них, что находилась против нашего правого фланга, условно назвали «Средняя», а той, которая располагалась южнее, дали наименование «Угловая». Справа наступала 284-я стрелковая дивизия, она должна была овладеть вершиной высоты; слева части 13-й гвардейской стрелковой дивизии продолжали удерживать занимаемые позиции.

На следующий день в 11 часов бригада вместе с частями 284-й стрелковой дивизии перешла в наступление. Имея хорошо подготовленные опорные пункты и узлы сопротивления, плотную группировку войск и отлично организованную систему огня, фашисты прилагали отчаянные усилия, чтобы удержать занимаемые позиции. Но подразделения 4-го батальона преодолели их сопротивление и продвинулись в этот день на 300 метров. В условиях Сталинграда, где успех измерялся метрами, это являлось значительным достижением.

23 ноября 2-й батальон, введенный в бой вслед за 4-м, захватил 8 немецких дзотов. Подавляя огневые средства гитлеровцев и отражая их контратаки, части продолжали продвигаться вперед.

После овладения высоткой «Средняя» комбриг резко изменил направление наступления батальонов, повернув их фронтом на юг и юго-запад. Развернувшись на 90°, 2-й и 4-й батальоны нанесли внезапный удар во фланг и тыл сильно укрепленным позициям врага, свертывая его оборону перед левым флангом бригады. Главный опорный пункт противника располагался здесь на высоте «Угловая». Атака этих хорошо оборудованных позиций в лоб представляла бы значительные трудности и не могла обойтись без больших потерь.

Бои за высоту «Угловая» продолжались 24-го и в ночь на 25 ноября, и носили упорный характер. Только один 4-й батальон, преодолевая сопротивление фашистов, захватил в эти дни 20 дзотов.

К рассвету 25 ноября главные силы бригады захватили высоту «Угловая». Таким образом, задача по овладению юго-восточными и южными скатами Мамаева кургана была выполнена. Правый сосед — 284-я стрелковая дивизия — к этому же времени овладел его вершиной.

Вражеские артиллеристы не могли теперь с высоты 102,0 корректировать огонь своих орудий и минометов по боевым порядкам соединений армии, контролировать перевозки через Волгу.

В боях за Мамаев курган личный состав бригады проявил исключительное мужество и отвагу.

Заместитель командира 4-го батальона по политчасти старший лейтенант Б. Х. Кристотуров, сменивший раненого 22 ноября В. А. Аленичева, наблюдая за ходом

боя, заметил, что правый фланг батальона обходят до 50 гитлеровцев. Наши подразделения в это время уже продвинулись вперед. Создалась угроза удара по ним с тыла. Рядом с Крестотуровым находились только два краснофлотца. Фашисты шли прямо на них. «Будем драться до последнего», — сказал замполит морякам. Он не рассчитывал на то, что они втроем остановят врага, но был уверен, что выстрелы и шум боя в тылу наступающих подразделений привлекут их внимание. Замаскировавшись, герои подпустили немцев на близкое расстояние и внезапно открыли по ним огонь из автоматов, затем взяли за ручные гранаты. Враг был остановлен. А вскоре подоспели наши бронбойщики, и контратака противника окончательно захлебнулась.

В эти дни, как и ранее, многие воины стремились идти в бой коммунистами.

Старший сержант 4-го батальона М. Г. Козлов в своем заявлении, перед штурмом Мамаева кургана, писал: «Желаю сражаться под знаменем великой партии большевиков. Буду бить фашистских гадов по-большевистски». В бою, когда был ранен командир взвода, он принял командование и смело повел краснофлотцев в атаку. Взвод выполнил приказ.

Коммунисты повсюду вдохновляли на подвиги своих товарищей. Когда вышел из строя командир взвода, старший сержант Федор Огородников взял на себя командование и повел взвод в атаку. За день боя воины уничтожили около 150 гитлеровцев. На личном счету самого сержанта было 16 фашистских солдат.

Моряки-разведчики Павел Першин и Константин Шарыпов, вынося из нейтральной полосы раненого командира взвода Константина Агеева, обнаружили хорошо замаскированного в одиночном окопе снайпера. Сверху окоп был накрыт металлическим щитом и присыпан песком, смешанным с землей, а брустверы по бокам амбразуры надежно укрывали стрелка от наблюдения с флангов.

Об этом доложили начальнику разведки бригады, и тот приказал командиру разведроты организовать наблюдение за окопом и подготовить ночной поиск с целью захвата «языка».

В первый же день с выявленной огневой позиции было сделано несколько выстрелов. Два матроса, несмотря

на предупреждение о наличии фашистского снайпера, пострадали.

Для захвата гитлеровского стрелка выделили 4-х краснофлотцев-разведчиков. Ночью под прикрытием снегопада они приступили к выполнению задания. Бойцы, одетые в белые маскхалаты, по-пластунски подползли к окопу. В нем никого не оказалось. Тогда разведчики устроили засаду. Кое-кто успел уже изрядно промерзнуть, когда незадолго до рассвета появилась едва различимая в темноте высокая фигура немецкого снайпера. На плече он нес винтовку, а на боку болталась какая-то сумка. Очевидно, там были патроны и продукты.

Едва фашист поравнялся с засадой, как моряки схватили его и, заткнув рот кляпом, доставили в штаб бригады. Гитлеровец оказался довольно заслуженной персоной: на груди у него было два Железных креста. На допросе пленный дал ценные показания.

Расчет моряка Тихоокеанского флота Алексея Богомаза из минометного батальона, действуя под сильным артиллерийским огнем, за два дня подавил несколько пулеметов, 2 орудия, поджег склад боеприпасов и накрыл огнем наблюдательный пункт и окопы врага, уничтожив до 40 гитлеровцев.

При переноске боеприпасов от причалов переправы минометчик Иван Нольфин попал под пулеметный огонь гитлеровцев и был ранен в грудь. Он потерял много крови, и силы начали покидать его. Но воин не бросил ящик с минами, пока не доставил его на огневые позиции. Тут он упал, потеряв сознание.

Взвод противотанковых ружей истребительно-противотанкового дивизиона овладел немецким дзотом. Но из взвода уцелел лишь его командир младший лейтенант А. В. Масликин. Он один в течение 12 часов, до подхода подкрепления, удерживал захваченный объект. Когда к нему пробились подразделения 4-го батальона, у отважного воина уже кончились боеприпасы, а сам он был ранен в плечо и шею.

Новое, необстрелянное пополнение с Тихоокеанского флота закалилось в боях за Мамаев курган и, слившись с опытными североморцами, показало себя с наилучшей стороны.

Теперь пришла очередь овладеть другим важнейшим объектом — высотой 107,5.

К выполнению и этой первоочередной задачи привлекли морских пехотинцев. 25 ноября был получен приказ, согласно которому бригада должна была сдать только что завоеванные ею на Мамаевом кургане позиции другому соединению и сосредоточиться в районе улицы Техническая, чтобы в последующем быть в готовности к наступлению совместно с 39-й гвардейской стрелковой дивизией на высоту 107,5.

У ЗАВОДА «КРАСНЫЙ ОКТЯБРЬ»

27 ноября бригада, сменив части 284-й стрелковой дивизии, заняла исходный рубеж по обе стороны оврага Банный, а 28 ноября в 15 часов во взаимодействии с соседом справа — 39-й гвардейской стрелковой дивизией — перешла в наступление.

Бои в этом районе приняли затяжной характер и продолжались до 19 января 1943 года. Вгрызаясь в оборону противника, меняя направления главных ударов, бригада день за днем завоевывала все новые и новые позиции, пока не выполнила боевую задачу по уничтожению противника в поселке юго-западнее завода «Красный Октябрь» и овладению высотой 107,5.

Сравнительно невысокие темпы наступления наших частей объясняются целым рядом причин. Прежде всего большой насыщенностью обороны врага войсками и огневыми средствами, сложными условиями крупного населенного пункта с большим количеством прочных сооружений и трудностью централизованного применения средств подавления. Нельзя забывать и о том, что бригада понесла значительные потери в боях за Мамаев курган и превосходство в жилой силе и технике опять было на стороне противника.

Кроме нехватки сил для наступления, бригада, как и другие соединения армии, продолжительное время испытывала недостаток в боеприпасах и продуктах питания. Причины были те же: трудности, а иногда и невозможность переправы их через Волгу.

12 ноября политотдел бригады доносил: «...переправа по-прежнему затрудняет доставку людей, боеприпасов и продовольствия. Несмотря на все принятые нами меры, не может до сих пор переправить оставшийся на левом

берегу личный состав и продукты. Вчера катера даже не подходили к причалам 62-й переправы».

В оперативной сводке штаба бригады от 16 ноября говорилось: «Питанием бригада не обеспечена, т. к. пароход, привезший 15 ноября продукты, вернулся на левый берег, не успев выгрузить их. Боеприпасами обеспечены, за исключением ручных гранат и патронов к пистолет-пулеметам».

1 декабря политотдел опять доносил: «...хлеб и мясо на сегодня не выдавали, т. к. нечем переправить».

Старшине отдельной разведывательной роты Н. М. Мартыненко было приказано доставить с левого берега продукты, а также теплую одежду для разведчиков.

Плавсредства армейской переправы в эту ночь не прибыли. А приказ надо выполнять. На рассвете старшина нашел где-то маленькую лодку и решил, не дожидаясь темноты, переправиться на ней через Волгу.

«В то время,— рассказывает бывший разведчик Константин Шарыпов,— я был контужен и не мог участвовать в боевых действиях. Поэтому вместе со старшиной отправился на этой лодочке на ту сторону, чтобы помочь ему в составлении отчетов и получении обмундирования».

Не успели мы добраться до середины реки, как немцы устроили пристрелку по нашей лодке из минометов. Вначале фонтаны воды поднимались не так близко — метрах в 100—150. Но вскоре мины начали рваться в нескольких метрах от лодки. Стараясь уйти от прямого попадания, мы гребли то вперед, то назад, поворачивали то вправо, то влево. Когда, обессилевшие, мы причалили наконец к левому берегу, я понял, что лучше десять раз сходить в разведку за «языком», чем один раз в дневное время переправиться через Волгу».

Из-за трудностей переправы на правом берегу оставалось много раненых. Некоторым из них нужна была срочная хирургическая помощь. Поэтому командование бригады решило приблизить квалифицированную хирургическую помощь, перевести часть медработников из хутора Рыбачьего, где в 15—20 километрах к востоку от Волги располагалась медсанрота бригады, на правый берег. В соответствии с этим решением в устье оврага Банный была вырыта землянка, которую оборудовали под операционную. В ней сразу же приступили к работе

И. П. Аверичев, заместитель командира бригады по строевой части

Б. Х. Кристостуров, заместитель командира по политической части 4-го отдельного стрелкового батальона

М. Ф. Палагушкин, бывший рядовой 2-го отдельного стрелкового батальона

А. Л. Богомаз, командир расчета отдельного минометного батальона

врачи И. Я. Стыскин (начальник 1-го эшелона медсанроты), И. С. Фаерман и И. Е. Евдокимов. Им помогала операционная сестра М. П. Тулубенская и несколько санитаров. Некоторое время оперировал раненых и хирург медсанроты Н. В. Фрыгин.

Конечно, оперировать в медико-санитарной роте на хуторе Рыбачьем было гораздо спокойнее. Здесь же, в каких-нибудь пятистах метрах от противника, работать было тяжело.

«Операции у нас проводились одна за другой почти без перерывов, — рассказывает бывшая операционная сестра Мария Прокофьевна Тулубенская (ныне Федотова). — Операционная освещалась самодельными коптилками. Частенько во время операций враг открывал интенсивный артиллерийский огонь. Земля под ногами колебалась, шевелились накаты бревен над головой, сыпалась в щели земля, поднималась пыль, дышать становилось трудно. От сотрясения воздуха гас свет, и операция приходилось прерывать».

Но риск был оправдан. Хирургическая помощь оказывалась вовремя. Этому передовому отряду медико-санитарной роты удалось спасти жизни многих воинов нашей бригады.

В конце декабря 1942 — начале января 1943 года в бригаде (на правом берегу Волги) насчитывалось 519 человек, в том числе стрелков и автоматчиков 205. Перед моряками оборонялись части 295-й пехотной и 100-й легкопехотной дивизии врага в количестве свыше 600 солдат и офицеров.

Но воины 92-й уже освоили приемы боя в крупном населенном пункте, научились воевать не числом, а умением. Пядь за пядью они освобождали родную советскую землю.

26 ноября взводу младшего лейтенанта А. А. Горбача была поставлена задача — уничтожить противника на северном берегу оврага Банный, у южной оконечности улицы Голутвинская. Утром 27 ноября командир взвода собрал своих людей, проверил оружие, боеприпасы и снаряжения. Нужно было сейчас же овладеть хорошо укрепленными позициями гитлеровцев.

— Братишки! — призвал Алексей. — Покажем, как

умеют драться моряки, не посраим своей чести. Вперед, ребята!

Исходное положение для наступления батальона было обеспечено. Перед боем Алексей подал заявление в партию. В нем он писал:

«Партийной организации 2-го батальона
от младшего лейтенанта, члена ВЛКСМ
Горбача Алексея Алексеевича

Заявление

Желаю вступить в бой членом Великой Коммунистической партии (большевиков), партии Ленина—Сталина.

Вступая в бой, я не пожалею своих сил и знаний, а если это потребуется, то и жизни для защиты Сталинграда и своей Родины.

Я буду бить поганых фрицев, как бил их... на Мамаевом кургане. Имя члена партии оправдаю в любой обстановке.

26. XI. 42 г.

А. Горбач».

27 ноября 1942 года на этом заявлении была сделана надпись: «Командира взвода 2-й стрелковой роты тов. Горбача не стало, он погиб смертью храбрых при наступлении.

Секретарь партбюро 2-го осб. капитан
Дробышев».

При атаке 2 декабря, не дойдя метров пятьдесят до окопов противника, группа моряков, попав под огневой удар вражеских минометов, залегла. Сраженный осколком, погиб командир взвода.

«На последнем вздохе остановились! — подумал рядовой Валентин Тихомиров.— А ведь лежать нельзя! Немцы пристреляются и побьют всех!» Он искал взглядом командира, но по цепи передали, что взводный убит. Тогда Валентин поднялся и, увлекая воинов в атаку, первым ворвался в дзот и уничтожил в нем трех фашистов. Будучи раненым, Тихомиров после перевязки вторично повел в атаку своих товарищей. В короткой схватке был захвачен другой дзот.

К участию в штурме вражеских позиций привлекались как бригадные, так и батальонные разведчики.

2 декабря в бою за поселок у завода «Красный Октябрь» разведрота участвовала почти в полном составе

ве — Константин Агеев, Павел Першин, Константин Шарыпов, Григорий Ланцов, Алексей Савинов, Василий Козлов, Иван Шукин, Александр Зайцев и другие.

Наступление велось двумя группами: одной руководил командир разведроты старший лейтенант Владимир Баран, второй — его заместитель по политической части старший лейтенант Иван Макута. К исходу дня разведчики овладели двумя кварталами, уничтожив десять огневых точек врага.

За этот бой многие из них были представлены к правительственным наградам. В наградных листах отмечалась исключительная отвага, готовность выполнить любую боевую задачу.

«В последнем бою, — скупое писалось в представлении к награде Василия Алексеевича Козлова, — он первым ворвался во вражеский дзот и в рукопашной схватке уничтожил двух фашистов, показав себя отважным и инициативным разведчиком».

А вот один из поисков, проведенных нашими разведчиками.

...3 часа ночи. Она выдалась тихой и морозной. Пора начинать. Подан сигнал «Вперед!». Разведгруппа начала поиск. Минут через десять раздались взрывы гранат: Подгруппы обеспечения бросились вперед. Взвилась зеленая ракета, обозначающая отход. Открыли огонь минометы и стрелковые подразделения. Все шло по плану. И вот возвращаются те, кто должен был захватить «языка»: А. Савинов, П. Першин, С. Коломейцев, А. Карпов и Ю. Комогорцев. А где же «язык»? Вместо него разведчики принесли документы, пулемет и скудный скарб пулеметного расчета гитлеровцев. Сам пулеметный расчет, к сожалению, был уничтожен взрывом гранаты. Правда, кое-какая польза была — по захваченным документам удалось выяснить номер оборонявшейся здесь части неприятеля.

Одновременно с поиском в бригаде готовилась засада. Ее намечалось провести на одном из участков «ничейной» земли. Возглавлять действия разведчиков поручили командиру разведвзвода лейтенанту Дорофееву. Группа должна была приступить к выполнению задачи в следующую после поиска ночь. Случилось так, что видимость была очень неустойчивой: то выглянет луна и осветит все окружающее, то вновь проходящие тучи за-

кроют ее. Однако откладывать засаду нельзя — срочно нужен был «язык». Как только очередное облако закрыло луну, разведчики спустились с железнодорожной насыпи и заняли позицию в разбитом вагоне, недалеко от переднего края обороны противника. Наблюдатели не раз замечали, как сюда ночью приходили фашисты за досками для отопления землянок. Приманка была верной, так как морозы стояли довольно сильные.

Разведчики просидели в засаде почти всю ночь, но те, кого они поджидали, все не появлялись. До рассвета оставалось уже не более часа. Дорофеев начал подумывать о возвращении в свое расположение, так как бойцы совсем замерзли. И вдруг послышался скрип снега под ногами идущего человека. Все замерли. Лейтенант тихо прошел вперед и встал у пролома в стене. Через него должен был, по его расчету, забраться в вагон немец. Шаги приближались. Нервы у разведчиков напряжены до предела, каждый изготовился для решительного прыжка. И вот не спеша в вагон неуклюже ввалился закутанный фриц. Дорофеев пропустил его на шаг, затем, кошкой прыгнув на врага, словно тисками, сжал ему горло. Вражеский солдат даже не пикнул. Разведчики связали пленного, заткнули рот кляпом и доставили в штаб бригады.

В эти дни моряки столкнулись с фактами жестоких расправ фашистских извергов с советскими людьми. Вот что говорилось в одном из актов, составленном представителями 92-й отдельной стрелковой бригады, за несколько минут перед этим побывавшими в жесточком бою.

«Мы, нижеподписавшиеся, старший лейтенант Ямпольский, старший лейтенант Кристостуров и краснофлотец Серпалов, составили настоящий акт в том, что во время нашего продвижения вперед возле захваченного немецкого дзота нами было обнаружено два трупа женщин, изнасилованных немцами, а затем зверски ими расстрелянных. Одна из женщин раздета догола, на ногах и нижней части живота шесть ножевых ран, голова разбита каким-то тупым предметом. У второго трупа связаны руки, на груди несколько пулевых ран».

Это свидетельство садистской жестокости гитлеров-

цев 12 декабря 1942 года было опубликовано в армейской газете «На защиту Родины». Оно обсуждалось во всех соединениях армии. Воины высказывали свой гнев и возмущение бесчинством немецких захватчиков и еще сильнее рвались в бой, чтобы отомстить мерзавцам за все их злодеяния.

10 декабря в оперативное подчинение бригады был передан учебный батальон 149-го армейского запасного стрелкового полка. Он передавался вместе с позициями, которые были им заняты после смены соседа справа — 2-го стрелкового батальона 112-го полка 39-й гвардейской стрелковой дивизии.

Части 92-й бригады, прорывая оборону врага, продолжали продвигаться вперед. С 4-го по 26 декабря они захватили 16 фашистских дзотов и блиндажей, пушку, девять станковых, один крупнокалиберный и несколько ручных пулеметов.

26 декабря командующий армией отдал приказ на общее наступление. 92-й стрелковой бригаде в нем ставилась задача: прикрывшись одним батальоном слева, сосредоточить основные усилия на правом фланге и овладеть улицей Народная. Соединение морских пехотинцев усиливалось на этот раз тремя гаубичными батареями 284-й стрелковой дивизии, тремя батареями 152-миллиметровых гаубиц и одной батареей 203-миллиметрового калибра. Справа, вдоль улицы Карусельная, наступала 39-я гвардейская стрелковая дивизия. Слева 284-я стрелковая дивизия, удерживая занимаемые позиции, должна была поддержать наступление моряков огнем своей артиллерии и минометов.

Наступление бригады начал 1-й батальон. Спустившись ранним утром по заранее подготовленным канатам в овраг Банный, он внезапным ударом выбил немцев из домов в южной части улицы Короткая. Его дальнейшее продвижение создавало угрозу выхода в тыл гитлеровцам, оборонявшимся против 3-го и 4-го батальонов, и способствовало наступлению этих батальонов.

Атакуя вдоль улиц Овражная и Подгорная, бригада трое суток вела ожесточенные бои за вражеские опорные пункты на улицах Короткая, Голутвинская, Уссурийская. Некоторые дзоты и блиндажи по несколько раз переходили из рук в руки. За эти дни 1-й и 4-й стрелковые батальоны продвинулись на полкилометра. Фашис-

ты потеряли несколько сот солдат и офицеров, а 7 человек были захвачены в плен. Моряки уничтожили свыше 80 дзотов, захватили в качестве трофеев пушку, два крупнокалиберных, 17 ручных и станковых пулеметов, 48 карабинов, 28 автоматов. Был уничтожен танк, сбит самолет врага.

Обеспечивая бесперебойную связь командно-наблюдательных пунктов с огневыми позициями, самоотверженно действовали связисты артиллерийских и минометных частей. За время боев в районе Мамаева кургана и поселка у завода «Красный Октябрь» старший телефонист отдельного артиллерийского дивизиона Н. С. Бочкарев исправил около 120 повреждений телефонной линии под огнем противника.

В декабре огневые позиции 3-й батареи отдельного минометного дивизиона бригады находились на левом берегу Волги. Телефонная связь с нею отсутствовала, а радиосвязь была настолько неустойчивой, что батарея почти не использовалась для поддержки боевых действий бригады.

16 декабря, когда Волга покрылась первой, совсем еще неокрепшей ледяной коркой, командир взвода связи дивизиона младший лейтенант П. А. Бабенко со своими связистами протянул телефонный кабель на левый берег реки по зыбкому льду, используя сани, доски и другой подручный материал. При этом не один раз связисты проваливались в ледяную воду, несколько человек было ранено. Несмотря на это, телефонная связь была установлена, и минометчики без перебоев стали поддерживать боевые действия частей бригады.

В течение 28, 29-го и 30 декабря моряки действовали успешно и овладели улицами Короткая, Голутвинская, Уссурийская, продвинувшись на 400—500 метров. Это не могло не вызвать беспокойства у гитлеровского командования. Противник понял, что его оборона перед 92-й отдельной стрелковой бригадой рухнет. Поэтому он срочно перебросил сюда свежие силы и в ночь на 29 декабря предпринял пять контратак небольшими группами, а 30-го уже группами по 60—80 человек. Наши подразделения отразили все удары гитлеровцев.

В эти же дни минометчики старшего лейтенанта Н. Г. Глущенко нашли в одном из оврагов, где были их огневые позиции, прятавшегося от немецких бомб и сна-

рядов подростка Витю Перфильева. Виктор был поставлен на все виды довольствия, для него сшили обмундирование. Вскоре он стал заряжающим во взводе Алексея Богомаза. Так у моряков появился сын бригады.

Ныне Виктор Степанович живет и работает в родном Волгограде модельщиком на тракторном заводе, воспитывает двух сыновей. На одной из встреч с однополчанами Перфильев рассказал интересный случай.

Однажды после выбора огневых позиций для кочующего миномета они вдвоем с Богомазом возвращались в свою роту и в Банном овраге нашли колеса с осью от передка разбитой пушки. Подумали, как их приспособить к делу. Затем поставили на попа, зарыли одно колесо в землю, а к другому прикрепили противотанковое ружье. Получилась самодельная зенитная установка. Как ни примитивно было это устройство, первый воспитатель и лучший друг Виктора, командир минометного взвода Алексей Богомаз (впоследствии Герой Советского Союза) умудрился сбить из него немецкий самолет.

В бою 29 декабря отличился рядовой 2-го батальона Федор Пашков. В рукопашных схватках он уничтожил 17 вражеских солдат. А ночью 30 декабря он вместе с краснофлотцем Иваном Шевченко совершил еще один подвиг. Произошло это так. Вечером наши минометчики уничтожили огнем расчет немецкой 37-миллиметровой пушки, выдвинутой к переднему краю обороны. Затем в ходе боя наши подразделения продвинулись несколько вперед, и орудие оказалось на ничейной земле, между позициями сражающихся сторон. Пашков и Шевченко взялись доставить его в свое расположение. Под покровом ночной темноты они при помощи саперов, которых возглавлял лейтенант С. И. Зайцев, преодолели заминированный участок и незаметно подползли к пушке; прикрепили к ней веревки и постепенно, не гремя, притащили ее в свою роту. За отвагу и мужество смельчаков наградили орденами Красной Звезды. Командир взвода саперной роты С. И. Зайцев за декабрьские бои тоже был награжден орденом Красной Звезды. В наградном листе отмечалось, что он, кроме участия в захвате вражеской пушки, подорвал девять вражеских дзотов, разминировал под огнем противника больше десяти минных полей.

31 декабря командующий армией приказал закрепиться на достигнутых рубежах. Наступал новый, 1943-й год. Настроение у воинов было приподнятое. Наши войска успешно наступали.

С новым годом непрошенных фашистских гостей поздравила наша артиллерия.

Ровно в полночь, когда истекла последняя секунда 1942 года, левый берег Волги, где располагались основные силы нашей артиллерии, озарился яркими вспышками. Над рекой и головами защитников Сталинграда просвистели снаряды, оставляя светящиеся следы, а затем в расположении гитлеровцев раздались следующие один за другим взрывы. Залп «катюш» стал началом массированного огневого удара по врагу. Это было грандиозное зрелище, внешне очень напоминающее праздничный салют.

Темп артиллерийской стрельбы усилился. Наш «бог войны» громил спрятавшихся в укрытиях врагов. С каждым разрывом снаряда в голове у нас проносилась мысль: «За погибших друзей и боевых товарищей! За слезы наших матерей, жен и детей! За погибших в лагерях смерти и в газовых камерах! За все злодеяния, учиненные гитлеровскими извергами на нашей земле!».

Немецкая сторона принимала этот наш новогодний подарок молча. Враг был явно подавлен и, прекратив встречу Нового года, каждую минуту ожидал нашей атаки. Но мы в атаку не пошли. Не было еще такого приказа.

Однако фашистам праздник был испорчен. Вместо веселой встречи Нового года им пришлось хоронить сотни своих соучастников по разбою.

С 31 декабря 1942-го по 7 января 1943 года части бригады укрепляли и совершенствовали свою оборону и вели разведку вражеских позиций.

Противник, теряя веру в победу, терял и бдительность, становился безразличным к происходящим событиям. В его обороне образовались бреши, которыми наше разведывательное отделение, возглавлявшееся одним из авторов настоящих строк, не преминуло воспользоваться.

В первых числах января группа разведчиков, руково-

дмая краснофлотцем Николаем Протасовым, проникла ночью в ближайший тыл врага и заняла на одной из улиц разрушенный дом. Их задача состояла в том, чтобы захватить «языка». Они ждали появления одиночных солдат или небольшой группы. Но перед ними вдруг появилась колонна солдат, не меньше взвода. Ее вел офицер. Немцы, закутанные во что попало, шли, о чем-то разговаривая и ничего не подозревая.

Краснофлотцы замерли. Что делать? Атаковать колонну — слишком неравные силы. Пропустить мимо — обидно. Гитлеровцы подошли почти вплотную к дому, где находилась засада, когда Протасов, словно очнувшись, скомандовал: «Огоны!».

Около десятка автоматов густым ливнем пуль поливали очумевших от страха врагов. Захватив несколько фашистов в плен, разведчики благополучно вернулись в свое расположение.

9 января командующий армией приказал возобновить наступление. Бригада усиливалась двумя дивизионами 266-го пушечного артполка и 92-м полком гвардейских минометов.

На следующий день, ровно в 8 часов, заговорили наша артиллерия и минометы. С наблюдательного пункта комбрига было хорошо видно, как разрывы снарядов накрывали огневые точки гитлеровцев.

Через час артиллерия и минометы перенесли огонь в глубину обороны вражеских войск. Поднялась в атаку пехота 3-го, 4-го и 1-го отдельных стрелковых батальонов.

Моряки, проникая мелкими группами в промежутки в обороне противника, обходили опорные пункты, выходили в тыл, окружали и уничтожали фашистских захватчиков. Кое-где завязались рукопашные схватки. Ожившие немецкие дзоты выводили из строя точными бросками гранат и огнем орудий прямой наводки.

Во второй половине дня наши подразделения штурмовали немецкие дзоты уже на улицах Рабочая и Веселая.

Утром 11 января, после часовой артиллерийской подготовки, моряки опять перешли в наступление. Ворвавшись на ул. Айвазовская, они стремились развить успех с тем, чтобы выйти на западную окраину города, до которой было уже не так далеко — с полкилометра.

Но противник успел организовать прочную оборону. Его огневые средства были надежно укрыты в приспособ-

Ветераны бригады и их гости на встрече в 1972 году

собленных к обороне полуразрушенных кирпичных домах и дзотах.

Комбат старший лейтенант В. П. Покровский, тщательно изучив вражескую оборону, не нашел в ней промежутков. Но он заметил, что ее самый слабый, наименее насыщенный огневыми средствами участок находится перед правым флангом батальона. Здесь связующим звеном в общей системе огня неприятеля был лишь один ручной пулемет.

Комбат решил уничтожить этот пулемет и, создав, таким образом, брешь в немецкой обороне, проникнуть частью сил во вражеское расположение, а затем совместной атакой с фронта и тыла уничтожить противника.

Начало темнеть, когда на правом фланге батальона раздалось несколько выстрелов 45-миллиметровых пушек, которые не выделялись в общем грохоте огневого боя, начатого перед этим батальоном. Вражеский пулемет был уничтожен. Под покровом наступившей темноты в образовавшийся в гитлеровской обороне разрыв проникла группа примерно из 20 моряков под командованием лейтенанта А. И. Заева. Подав перед рассветом условный сигнал — красную ракету, они внезапно атаковали гитлеровцев с тыла. Одновременно с фронта перешли в наступление основные силы батальона.

Немцы были застигнуты врасплох. Они начали покидать свои позиции и беспорядочно отходить. Паника распространилась и на их подразделения, оборонявшиеся против 3-го и 1-го стрелковых батальонов. Опасаясь окружения, враг и тут отступал.

К исходу 11 января бригада продвинулась на улицу Народную, глубоко вклинившись во вражескую оборону, в результате чего у нас образовались открытые фланги. Противник сразу же воспользовался этим и внезапной контратакой вновь потеснил наши части до улицы Айвазовского.

Наступили сумерки, и бой стал затихать. Обе стороны стали закреплять занимаемые рубежи.

В тот день командование бригадой принял полковник И. П. Елин, а майор В. М. Штриголь получил новое назначение.

Несмотря на потери и усталость личного состава, было решено этой же ночью вернуть утраченные позиции. Моряков накормили, дали несколько часов отдохнуть, по-

полнили боеприпасами, и около 22 часов они без артподготовки опять атаковали врага. Для фашистов эта атака была неожиданной. Они, очевидно, считали, что нашим подразделениям понадобится немало времени, чтобы собраться с силами и организовать новое наступление. Бой шел всю ночь. К утру 12 января 3-й и 1-й батальоны вышли на улицу Угольная. А 4-й не смог преодолеть сопротивление врага и остался на улице Айвазовского.

Части бригады и 39-й гвардейской стрелковой дивизии потеснили противника к окраинным улицам города. Гитлеровцы прекрасно понимали, что, если дело и дальше так пойдет, им придется оставить уцелевшие кое-где городские дома и подвалы, в которых можно погреться, и уходить в морозную степь. Поэтому 12 января противник четырнадцать раз контратаковал части бригады. Но моряки прочно закрепились на захваченных ночью рубежах. При помощи артиллерии и минометов они отбили все контратаки врага, а во время последней краснофлотцам удалось даже ворваться на плечах отходивших гитлеровцев на улицу Народная и овладеть ею.

Однако в результате непрерывных кровопролитных боев части бригады настолько поредели, что им все труднее было преодолевать сопротивление противника. Для успешного продвижения вперед не хватало сил. И хоть до высоты 107,5 было уже рукой подать, без пополнения людьми и оружием бригада не могла овладеть ею.

Поэтому командующий армией решил перебросить в район Банного оврага 13-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Ей передавался 2-й стрелковый батальон нашей бригады и часть занимаемого ею рубежа от улицы Менделеева до Сызранской. 92-я стрелковая бригада перемещалась несколько правее и занимала рубеж для наступления от переулка Трудовой до улицы Менделеева. Ее задачей было: овладеть южными скатами высоты 107,5. Справа наступала 39-я, а слева 13-я гвардейские стрелковые дивизии.

Перед началом боевых действий бригада получила роту маршевого пополнения, которая была распределена по частям.

17 января соединения армии, нацеленные на высоту 107,5, атаковали врага. В течение всего этого и следую-

щего дня они вели тяжелые бои, отражали ожесточенные контратаки противника.

Наконец 19 января к полудню краснофлотцы выбили фашистов с занимаемой ими позиции и вышли на западную окраину города. Гитлеровцы трижды пытались отбросить наши подразделения, чтобы зацепиться хотя бы за развалины крайних домов, но сделать это им не удалось.

Танков у немцев было теперь немного, слабо поддерживала их и авиация. Силы и возможности были не те. Прошло то время, когда они массированными ударами авиации, артиллерии и минометов сметали почти все живое в расположении наших войск, а десятки и сотни танков утюжили оборонительные позиции соединений 62-й армии.

Отразив все контратаки врага, 92-я левофланговыми подразделениями закрепились на западной окраине города и, перейдя главными силами в наступление, продвинулась к южным скатам высоты 107,5.

Бригада выполнила поставленную ей задачу, очистив от противника часть города, расположенную к западу от завода «Красный Октябрь».

В местах недавно прошедших боев можно было увидеть брошенные удиравшими немцами автоматы и пулеметы, две противотанковые пушки (одна из них совершенно целая, а другая разбита нашими артиллеристами), множество боеприпасов, телефоны, радиостанции, штандарты вражеских подразделений. Кое-где валялись немецкие журналы и газеты с речами Гитлера, Геббельса и других заправил фашистского рейха, их фотографии. Тут же лежали огромные узлы с награбленным и брошенным при поспешном отступлении имуществом местных жителей.

Из подвалов вылезали оставшиеся в живых сталинградцы, слезами на глазах встречали они моряков, обнимали и целовали, как родных. Люди рассказывали о злодеяниях гитлеровцев, которые, заняв поселок, забрали все, до последнего куска хлеба, до последней одежки, а потом выгнали население из уцелевших домов в поле.

Рассказали и о том, как однажды в землянку к по-

жилой женщине Самсоновой ворвались несколько пьяных немецких солдат.

— Матка, яйца унд брот! Битте шнапс! — орали они.

— Не понимаю вас, извергов, — ответила женщина.

Бандиты разозлились. После нескольких ударов прикладами автоматов по голове они вытащили ее из землянки и в овраге застрелили.

Фашисты не щадили ни старого, ни малого. Седовласый, морщинистый старик рассказал, как пьяный немецкий солдат вырвал у женщины грудного ребенка и бросил его на колючую проволоку. Когда же мать попыталась спасти младенца, фашист застрелил ее.

Сердца воинов еще больше наполнились ненавистью к фашистам. Моряки рвались в бой, навстречу войскам, наступавшим на Сталинград с запада. Гул орудий доносился оттуда с каждым днем все отчетливее. К сожалению, бригаде не суждено было завершить свой нелегкий боевой путь в обороне города участием в этой исторической встрече. В ночь на 20 января она была выведена в резерв командарма и сосредоточилась в районе северо-западной части завода «Красный Октябрь». Свои позиции на южных скатах высоты 107,5 бригада передала 13-й и 39-й гвардейским стрелковым дивизиям.

НА ЗАВОДЕ «БАРРИКАДЫ»

25 января по распоряжению начальника штаба армии 3-й стрелковый батальон занял оборону на острове Зайцевском, восточнее завода «Баррикады» (где немцы еще в ноябре вышли к берегу Волги) с задачей не допустить переправы противника.

А утром 26 января произошло радостное событие. Войска Донского фронта, наступавшие с запада, соединились на восточных скатах высоты 112,0 и на Мамаевом кургане с войсками 62-й армии. В результате окруженная под Сталинградом группировка фашистских войск была рассечена на две части. Наша бригада приняла участие в ликвидации северной группы.

28 января, к полуночи, бригада была передана из армейского резерва в оперативное подчинение командира 95-й стрелковой дивизии. В эту же ночь 2-й и 4-й стрелковые батальоны моряков вместе с остатками 241-го стрел-

кового полка этой дивизии были введены в бой на территории завода «Баррикады», чтобы овладеть цехом № 32.

Моряки ворвались в цех и завязали бой в его внутренних помещениях. Шла яростная борьба с многочисленным, хорошо вооруженным гарнизоном врага. Атакующие части бригады несли большие потери. Чтобы усилить натиск, в бой был введен и 1-й батальон. Но в захваченных нами небольших помещениях негде было развернуться. Положение осложнялось тем, что второй этаж находился в руках гитлеровцев.

Ранним утром интенсивным артиллерийским и минометным огнем противник перебил линии связи. Радиосвязь тоже отсутствовала.

Руководство бригады лишилось возможности влиять на ход боя. Восстановить же связь в дневное время было невозможно. Все подходы к цеху простреливались многослойным огнем. Наши части, действовавшие в здании цеха, попали в положение, очень похожее на окружение. Они были отрезаны от командного пункта бригады и своих тылов.

Один из участников этих тяжелых боев, заместитель командира пулеметного батальона по политической части Р. Р. Гаджиев рассказывает, что поначалу части бригады стремительно ворвались в подсобные помещения цеха. Однако перенести боевые действия в машинный зал не смогли из-за трехслойной огневой завесы. Немцы стреляли снизу, с высоких железных конструкций и со второго этажа. Они пробили в потолке несколько отверстий и через них забрасывали наших воинов гранатами, а иногда через эти дыры в потолке вели огонь из автоматов. В здании скопилось много раненых, большинство из которых продолжало сражаться. После вражеской контратаки с внешней стороны здания связь с командованием соединения прекратилась. Боеприпасы и продовольствие были на исходе.

Весь день из цеха не поступало никаких донесений. Вечером, когда стемнело, начальник разведки бригады капитан Рукавцов получил задание комбрига проникнуть в цех и выяснить условия боевой обстановки, боеспособность и численность прорвавшихся в цех частей.

Взяв с собой двух лучших разведчиков — Алексея Савинова и Сергея Коломейцева, начальник разведки в ту же ночь пробрался в цех, преодолев сильный загради-

тельный пулеметный и минометный огонь противника.

Бой в цехе продолжался. Однако значительная, не вызванная необходимостью скученность личного состава затрудняла его организацию, вызывала лишние потери. Капитан Рукавцов пришел к выводу, что достаточно было бы оставить здесь две-три штурмовые группы, а основные силы направить в обход здания с флангов и тыла. Именно эти соображения он, вернувшись, доложил комбригу Елину.

...Весь день 30-го и ночью 31 января в цехе продолжались жестокие бои. Обе стороны, кроме стрелкового оружия, пустили в ход ручные гранаты. Выходы из здания продолжали обстреливаться прицельным огнем врага, связь все время прерывалась. Боеприпасы и продовольствие доставлялось с большим трудом под огнем противника ночью. Эвакуировать раненых не было никакой возможности.

31 января, за полночь, немцы подорвали потолки в помещениях, занимаемых нашими подразделениями, и значительная часть моряков погибла под развалинами. Оставшиеся в живых отбивали атаки врага до утра, когда гитлеровцы взорвали и стены помещений. Из-под обломков выбрались немногие...

После доукомплектования 2 февраля бригада была вновь введена в бой в районе цеха № 32 и вместе с другими соединениями 62-й армии участвовала в завершающем штурме северной группировки немецко-фашистских войск. В этот последний день Сталинградской битвы воины бригады пленили 265 гитлеровцев, захватили 10 пулеметов, огнемёт, 153 винтовки, боеприпасы и разное военное снаряжение.

С ВЕРОЙ В ПОБЕДУ

На этом кончились боевые действия в Сталинграде. Моряки с честью выдержали испытание огнем на сталинградской земле.

Они переживали тяжелые дни, несли огромные потери, иногда терпели неудачи. Но всегда верили в своих товарищей, в силу нашей Родины, верили в победу. Умение бить врага приобретали в ходе боев. Трудной была эта учеба. Помогали укоренившиеся на флоте

братские, товарищеские отношения, постоянная готовность к взаимной выручке.

Наше соединение состояло из воинов 24 национальностей. И каждый из них сражался за Сталинград, как за свой родной край. Ведь советская страна, где они жили свободной счастливой жизнью, была родиной для всех.

Метко уничтожали врага пушки и противотанковые ружья командира истребительно-противотанкового дивизиона бригады грузина А. И. Ванидзе. Взвод старшины 1-й статьи украинца К. П. Билыка одним из первых освоил особенности действий в условиях города. Моряк с Тихого океана, казах М. И. Мамеков стал прославленным снайпером. Сын азербайджанского народа, командир минометной роты Г. А. Мамедов первым в нашем соединении применил «кочующие» минометы.

Храбро сражались автоматчик латыш А. Я. Трейда и командир роты автоматчиков мордвин М. А. Чавкин, командир батареи минометного дивизиона татарин А. Ф. Валиахметов и командир роты автоматчиков адыгеец Н. К. Носифов.

Всегда бесперебойно работала радиостанция радиста роты связи бригады русского моряка Северного флота С. А. Рыбаса. Отважно действовали санинструктор Е. Ф. Богданова из Белоруссии и санитарка Н. С. Капитонова из Чувашии.

«...Когда говорят о Сталинграде, то речь идет о всей нашей необъятной, многонациональной Родине. Все мы гордимся тем, что защищаем Сталинград...», — писал брату помощник начальника политотдела бригады по комсомолу дагестанец Магомед Меджидов.

Активное участие в боях за город принимали многие жители Сталинграда. Вначале они действовали в отрядах народного ополчения. А затем, когда оборону городских рубежей полностью взяли на себя воинские части, большинство ополченцев влилось в 62-ю армию. Пятеро из них пришли в 92-ю отдельную стрелковую бригаду: механик завода «Стройдеталь», защитник Царицына Алексей Миронович Иванов и его семнадцатилетний сын комсомолец Виктор, диспетчер Сталинградского отделения железной дороги Михаил Федорович Палагушкин со

своим сыном Юрием, рабочий тракторного завода Петр Лептухов.

До того как присоединиться к бригаде, они партизанили в занятых врагом районах города. Действуя под покровом ночи, патриоты нападали на отдельных немецких солдат и офицеров, уничтожали склады и автомашины с продовольствием и боеприпасами, а в ночь с 18-го на 19 сентября перешли линию фронта.

В бригаде им поручили доставку боеприпасов от причалов центральной переправы. Нелегкая это была работа. Тяжелые ящики с патронами и снарядами приходилось переносить на плечах на расстояние полтора-два километра. Боеприпасы подносили только ночью, когда огонь фашистов был менее прицельным. В темноте, укрываясь за развалинами зданий, патриоты делали по три-четыре ходки.

Но нередко бывали и такие дни, когда боеприпасы и продовольствие доставлялись под прицельным огнем в светлое время.

Во время отражения одной из атак гитлеровцев замолчали два протivotанковых орудия, поддерживавших 2-й батальон. Кончились снаряды. Немцы осмелели и, открыв огонь по орудийным расчетам, начали выдвигаться им в тыл. Артиллеристы заняли круговую оборону. Все это видел Михаил Федорович Палагушкин. Вместе с матросами, пришедшими ему на помощь, он под огнем противника доставил к орудиям 12 ящиков боеприпасов.

Артиллеристы сразу же открыли по вклинившимся в нашу оборону фашистам огонь, и те были вынуждены отойти.

Когда бригаду перебросили в район силикатного завода, Михаил Федорович доставлял в батальон боеприпасы и продовольствие через Волгу. Часто попадая под бомбежки и артиллерийский обстрел, он был ранен осколком мины и госпитализирован.

Его сын Юрий и восемнадцатилетний Петр Лептухов были назначены связными.

Все время участвовали в боях отец и сын Ивановы. Виктор еще до войны окончил курсы ворошиловских стрелков. 5 ноября ему вручили снайперскую винтовку. За время участия в обороне Сталинграда он вывел из строя около 100 фашистов.

Алексей Миронович и Виктор Ивановы вместе с моряками штурмовали Мамаев курган, сражались за освобождение поселка в районе Банного оврага и за цех № 32 завода «Баррикады». Здесь в конце января оба вышли из строя. Алексей Миронович получил сразу три ранения.

Патриоты принимали участие в отражении атак неприятеля, ходили в разведку, в тыл врага. Они хорошо знали местность и в гражданской одежде ничем не отличались от граждан, не успевших уйти из города и живших в землянках и подвалах домов.

Командование высоко оценило самоотверженные действия патриотов: Виктор Иванов был награжден орденом Ленина, его отец — орденом Красного Знамени, Михаил Федорович Палагушкин — орденом Красной Звезды, а его сын Юрий — медалью «За отвагу».

Говоря об исторической победе у стен Сталинграда, нельзя не сказать о главном ее вдохновителе и организаторе, о нашей родной Коммунистической партии.

Большая партийно-политическая работа проводилась тогда в Красной Армии. Это и воспитание воинов в духе беспредельной преданности Родине, неистребимой ненависти к фашистским захватчикам, это и разъяснение справедливых целей нашей борьбы и всемерная подготовка воинов к сознательному выполнению боевых задач и приказов командования.

Такую работу в нашей бригаде возглавлял член КПСС с 1925 года, начальник политотдела, а с 20 октября 1942 года заместитель командира бригады по политической части старший батальонный комиссар М. Б. Гуревич. На посту начальника политотдела его сменил инструктор политотдела батальонный комиссар Б. С. Власов.

Коммунисты и комсомольцы в бригаде были большой силой. Они задавали тон в боях, вели за собой весь личный состав, показывая пример беззаветной храбрости, преданности Родине и партии. Уже в первом политдонесении от 19 сентября 1942 года говорилось: «Впереди идет в бой коммунисты и комсомольцы».

Рядом с молодыми членами партии стояли умудренные опытом большевики, такие, как инструктор политотдела батальонный комиссар Я. Л. Эйдель, секретарь

партбюро 2-го батальона П. И. Дробышев, начальник связи бригады Д. И. Жаворонок.

Когда Я. Л. Эйдель в августе 1942 года получил назначение в бригаду, он уже имел пятнадцатилетний партийный стаж. Это были годы, до краев заполненные служением Родине. В 1922 году он в составе войск ГПУ Закаспия участвовал в борьбе за укрепление Советской власти в Средней Азии, в том числе в ликвидации басмачества. После демобилизации, с 1925-го по 1930 год, работал токарем на Днепропетровском заводе им. Ленина. Потом партия послала его на село, где он был секретарем партийной ячейки сельсовета, секретарем партийного комитета совхоза, инструктором, а перед Великой Отечественной войной — секретарем Солонянского райкома партии Днепропетровской области. Во время Сталинградской битвы, будучи инструктором политотдела бригады, Эйдель бесменно находился там, где требовались стойкость и отвага. Его можно было увидеть на самых важных участках обороны, а когда бригада наступала, он шел впереди наступающих. В боях на реке Царице во 2-м батальоне не стало комиссара. Эйдель заменил его.

Имел за плечами большой опыт партийно-политической работы и коммунист П. И. Дробышев. Комсомолец 20-х годов, он с 1920-го по 1924 год работал секретарем укома и горкома комсомола. В 1924 году был принят в партию. После службы в армии работал секретарем партийного комитета завода, секретарем райкома партии и заместителем председателя Ивановского облисполкома. Коммунисты оказали ему доверие, избрав делегатом XVIII съезда ВКП(б).

В начале Великой Отечественной войны Дробышев стал политработником на Северном флоте, а в августе 1942 года, по личной просьбе, вместе с маршевыми батальонами краснофлотцев был направлен в 92-ю стрелковую бригаду, где его избрали секретарем партийного бюро 2-го батальона. Дробышев делил с моряками и радости и печали, прекрасно знал настроение краснофлотцев, умел вселить в них уверенность в своих силах. Когда комиссар батальона И. И. Митин был смертельно ранен, Павел Иванович встал на его место. Вскоре он сам получил ранение. После излечения вернулся в строй.

Вот как в своих воспоминаниях отзывается о нем бывший заместитель начальника разведки бригады А. С. Лу-

каш: «Павел Иванович Дробышев — это друг, отец и старший товарищ. Он бесподобно умел говорить с краснофлотцами. Мы часто приглашали его в разведроту, где он выступал с беседами и докладами. Говорил он просто, понятно, и его слова доходили до сердца каждого воина, вдохновляли и воодушевляли на бой с коварным врагом».

Уважаемым человеком в бригаде был Д. И. Жаворонок. Член партии с 1920 года, он еще ранее значился в списке лиц, которым за революционную деятельность было запрещено жить в Петербурге. 19 июля 1915 года Жаворонок был арестован как участник собрания социал-демократической партии. Сын крестьянина-батрака, сам батрак, он в 1918 году командовал партизанским отрядом, затем участвовал в боях на фронтах гражданской войны против Колчака, Деникина и белополяков, а также в ликвидации банд, действовавших на Украине. Возвратившись к мирной жизни, Даниил Игнатьевич получил специальность агронома, много лет работал директором совхоза.

С самого начала Великой Отечественной войны Жаворонок на фронте. Сражался с фашистами за Смоленск, Москву, Воронеж.

О том, как он сражался в Сталинграде, свидетельствует его боевая характеристика: «С работой начальника связи бригады справляется хорошо. В условиях боевой обстановки не теряется. Инициативен. Энергичен».

Свой долг перед Родиной, перед партией коммунисты бригады выполнили до конца. Проводимая в подразделениях партийно-политическая работа вдохновляла воинов на подвиги, на победу.

Родина высоко оценила героизм воинов 92-й отдельной стрелковой бригады. 423 из них были награждены правительственными наградами. После разгрома немецко-фашистских войск в Сталинграде на знамени соединения засверкал орден Красного Знамени.

Все воины соединения удостоились медали «За оборону Сталинграда». Прошли десятилетия, но ветераны и сейчас с большой гордостью носят эту медаль. Она дорога им не меньше, чем ордена. Ведь битва у стен волжской твердыни вошла в историю как одно из важнейших, решающих боевых событий Великой Отечественной и второй мировой войны в целом. Медаль дорога ветеранам как память о героических днях жесточайших уличных бо-

ев, в которых они, несмотря на невероятные трудности, выстояли и победили. Медаль напоминает о товарищах, погибших в боях за волжскую твердыню.

ПО-СТАЛИНГРАДСКИ

И вот отгремели бои в Сталинграде. Соединения и части, участвовавшие в них, отводились за черту города, чтобы привести себя в порядок. Нашей бригаде было приказано разместиться в заволжском хуторе Рыбачьем. Там за счет вернувшихся из госпиталей моряков и команды выздоравливающих доукомплектовывались подразделения, проводилась боевая и политическая подготовка, ремонтировались техника и вооружение.

В конце апреля 1943 года бригаду придвинули к ушедшему на запад фронту. Там на базе нашей, а также 13-й отдельной стрелковой бригады была сформирована 93-я гвардейская стрелковая дивизия. Личный состав нашего соединения стал основой при комплектовании 281-го гвардейского стрелкового полка. Командиром назначили майора С. Я. Минькова, его заместителем по строевой части — капитана И. Г. Ефремова, начальником штаба — капитана А. А. Рукавцова.

В первых числах июля на Курской дуге фашисты перешли в наступление. Началась еще одна из решающих битв Великой Отечественной войны.

5 июля командование дивизии получило приказ выдвинуться в район Гостищево (юго-восточнее Прохоровки) и занять там прочную оборону.

Жестокие схватки с наступающим противником продолжались здесь до 14 июля. Особенно упорные бои разгорелись за населенный пункт Гостищево, находившийся на участке обороны 281-го гвардейского стрелкового полка.

Отбивая непрерывные атаки превосходящих сил вражеской пехоты и танков, поддержанных массированными ударами авиации и артиллерии, полк трижды оставлял этот важный узел обороны и трижды контратаками возвращал его. После Сталинградской битвы, пожалуй, не было такого пункта, где бои носили бы столь ожесточенный характер.

Снова и снова наши воины шли навстречу «железному

ветру». И впереди по-прежнему были коммунисты моряки.

С криком «полундра!», увлекая за собой всю роту, вихрем ворвался на батарею противника Алексей Богомаз, бывший командир береговой артиллерии. В Сталинграде он командовал расчетом, затем взводом минометчиков, а здесь возглавлял уже стрелковую роту.

Под ураганным огнем немецких пулеметов повел своих бойцов в атаку при восстановлении утерянных позиций у Гостищево герой Сталинградской битвы, командир роты старший лейтенант А. И. Волков. При этом был разгромлен штаб полка 6-й танковой дивизии противника. Отважный офицер лично уничтожил более 10 фашистов.

Партийный руководитель полка П. И. Дробышев, презирая опасность, шел в гуще атакующих. Вот что писала о партийном вожаке газета «Гвардеец» 18 июля 1943 года:

«... На поле боя стоял сплошной гул. Шла ожесточенная битва за населенный пункт (Гостищево), за который яростно цеплялись фашисты. Когда было приказано атаковать врага, в гуле сражения бойцы услышали знакомый голос Павла Ивановича Дробышева:

— За Родину!.. Вперед, товарищи!

Он первым двинулся в контратаку, а за ним в едином порыве ринулись бойцы. За час село было освобождено от немцев».

Вскоре полку было приказано сменить части обескровленной в боях 89-й гвардейской стрелковой дивизии, оборонявшейся южнее населенного пункта Большие Подъяруги. Дивизия удерживала часть высоты 315,0. Ее вершина была в руках противника. Он создал здесь мощный опорный пункт, установив в окопах танки и затасив туда даже две зенитные пушки.

Не успели наши гвардейцы освоиться с обороной на новом месте, как был получен приказ о переходе в наступление.

Высотой 315,0 решено было овладеть внезапной ночной атакой без артиллерийской подготовки. Вклинившись в оборону врага, батальоны должны были в ближнем бою разгромить гарнизон опорного пункта гитлеровцев на высоте и выйти на ее западные скаты. В случае, если внезапная атака не удастся, подавить противника огнем артиллерии и минометов, а затем повторно атаковать.

Памятник отважным воинам, в том числе морякам 92-й отдельной стрелковой бригады, героически сражавшимся в районе элеватора

Наконец время атаки наступило. Ровно в полночь батальоны двинулись к вражеским позициям и сразу же скрылись в темноте. Ничто не нарушало ночной тишины. Но минут через пять она взорвалась дружным «ура!», треском автоматов и пулеметов. Вражеские ракеты осветили местность. Минометы и артиллерия неприятеля открыли огонь по нашим окопам, однако гвардейцев там уже не было. Стремительным ударом они смяли боевые порядки неприятеля. Судьба опорного пункта противника на вершине высоты 315,0 была решена.

Так для полка закончились тяжелые дни первого этапа Курской битвы. Гвардейцы, и в первую очередь моряки-сталинградцы, не только выдержали мощные удары превосходящих сил гитлеровцев, но, нанеся им огромные потери, сами уверенно перешли в решительное наступление.

Оно развивалось успешно. За четырнадцать дней полк освободил более десяти населенных пунктов и вышел на подступы к Белгороду. И хотя глубока была оборона и упорно сопротивлялись вражеские войска, старинный русский город к концу дня 5 августа был освобожден. Впервые с начала войны, в ознаменование этой победы, столица нашей Родины Москва салютовала доблестным войскам, освободившим Белгород от немецко-фашистских захватчиков, двенадцатью артиллерийскими залпами из 120 орудий. В составе этих войск был и 281-й гвардейский стрелковый полк.

Вдохновленные этой победой, гвардейцы наступали на Харьков. 13 августа полк захватил дома на северной окраине города, а через десять дней, в честь освобождения Харькова, Москва салютовала его освободителям, в том числе и воинам полка.

Моряки Северного и Тихоокеанского флотов, сражавшиеся под знаменами 92-й отдельной стрелковой бригады и 281-го гвардейского стрелкового полка, с честью выдержали жестокие испытания решающих битв Великой Отечественной войны. Вместе с пехотинцами сухопутных войск они стояли насмерть, когда нужно было оборонять позиции, и решительно, презирая смерть, шли в атаку, когда нужно было наступать.

Дальнейший боевой путь полка лежал через центральную часть Украины, Молдавию, Румынию, Венгрию, Австрию и закончился в Чехословакии.

ЭПИЛОГ

Более трети века прошло после окончания войны. Постарели ветераны. Посмотришь на них — совсем мирные люди. Не зная их, и не подумаешь, что перед вами испытанные воины, не раз побеждавшие смерть. А познакомитесь поближе, увидите, что они остались гвардейцами. Славные морские традиции живут в их труде, в большой любви к Родине, в стремлении все силы, все знания, весь опыт отдать народу.

Врач Наталья Николаевна Морозкина — профессор, заведует кафедрой медицинского института в Горьком. Лихой разведчик, бывший моряк Тихоокеанского флота Павел Архипович Першин — председатель Сретенского райисполкома в Забайкалье. Бывший дальномерщик береговой артиллерии Северного флота, рядовой 1-го батальона Владислав Павлович Зеленский заведует отделом одного из ленинградских научно-исследовательских институтов. Он доктор ветеринарных наук, профессор.

Александр Терентьевич Пороскун, бывший командир 1-й роты минометного батальона бригады, в послевоенные годы работал главным зоотехником области, заведующим сельскохозяйственным отделом Смоленского обкома КПСС, директором крупного совхоза «Андрейково». За самоотверженный труд по восстановлению и развитию сельского хозяйства Александр Терентьевич награжден орденом Ленина, двумя орденами «Знак Почета» и медалью «За трудовую доблесть». Он удостоен звания заслуженного зоотехника республики.

Бывший заместитель начальника разведки бригады подполковник запаса А. С. Лукаш работает заместителем директора одного из заводов в городе Флорешты Молдавской ССР.

Илларион Петрович Аверичев, Павел Иванович Дробышев, Венедикт Петрович Покровский, Александр Борисович Скороходов, Расул Раджабович Гаджиев, Михаил Федорович Палагушкин, как и многие другие наши ветераны, — пенсионеры. Они продолжают трудиться на общественных началах, ведут большую военно-патриотическую работу. Не стареют душой ветераны!